

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

СТРАСТЬ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Ольга Геннадьевна Володарская

Страсть под чужим именем

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643815
Страсть под чужим именем: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-50508-1

Аннотация

У Галки был великий дар... Она умела любить! Искренне, преданно, бескорыстно. Не требуя взаимности... Да и как иначе, если объектом ее чувств стал популярный певец? Галка обожала Руслана так сильно, что, услышав по радио о его гибели, чуть не умерла сама. Но ее кумир выжил! И снова появился на поп-олимпе. Только совсем другим... Галка чувствовала – это не настоящий Руслан, его кем-то подменили... Любящее сердце ей это подсказывало!

Два года назад у него было все: семья, успех, деньги, слава. Он сам себе завидовал... Но наступил день, когда ему пришлось бросить благополучную жизнь и умчаться из родной Москвы в провинциальную глушь. Вот только затеряться не получилось! Он понял это, когда обнаружил в своей квартире труп единственного друга – из той, прежней жизни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Ольга Володарская

Страсть под чужим именем

Глава 1

Влад Соловьев терпеть не мог город, в котором жил. Маленький, грязный, бестолково застроенный, продуваемый речными ветрами, он то навевал на него тоску, то раздражал. Первое было гораздо чаще, и это беспокоило Влада. Раздражение хоть негативная, но сильная эмоция. Тоска же подавляла и ее, и все остальные, и тогда Соловьев ощущал себя какой-то амебой, а не человеком. Как простейшее он бултыхался в болоте под названием «жизнь», не имея желаний, стремлений, цели, а только исправно функционируя. Точно он одноклеточное. Амеба или инфузория-туфелька! Хотя нет, он хуже. Ведь те хотя бы размножаются делением, а Соловьев, когда скучал, утрачивал и основной свой инстинкт.

И это в неполные тридцать!

Сегодня город вызывал в нем раздражение. Влад шел по улице и ругался сквозь зубы:

– Это ж надо, суббота, время половина двенадцатого, а на улице ни души! Все по домам сидят, в телики тарашатся, нет бы – погулять выйти... – И, заметив под ногой банку из-под пива, нул ее со словами: – А еще лучше – на субботник бы

собрались! Хоть мусор бы в кучи сгребли! Только какой, к черту, субботник? Днем аборигенам некогда, у них огороды, а вечером грязи не видно... Ни один же фонарь не горит!

Соловьев нисколько не преувеличивал. На улице на самом деле не было освещения. Фонарные столбы стояли, но лампы на них не горели. Влад передвигался более-менее свободно лишь благодаря свету из окон. Но через час-другой и он погаснет, и городок погрузится во мрак. Не целиком, конечно, но процентов на девяносто. Освещенной останется главная площадь, где расположены мэрия да несколько увеселительных заведений, которые посещают лишь подростки. Люди же «солидные», то есть те, кому от двадцати пяти, вечера проводят у телевизоров, выползая только за пивом. И в этом случае путь себе они подсвечивают карманными фонариками, имеющимися у каждого. Аборигенов это не напрягает, как и городская скука, но Влад не мог к ней привыкнуть. Ведь он родился и вырос в столице!

В этот приволжский городок под названием Приреченск¹ он переехал почти два года назад. К этому его вынудили обстоятельства. Если бы не они, никогда бы Соловьев не покинул Москву. Он не просто обожал свой родной город, он не представлял себя вне его. Да, он много ездил по стране, зарабатывая деньги, и путешествовал по миру, отдыхая, но всегда скучал по Москве и мечтал поскорее вернуться. Только там он был по-настоящему счастлив. Владу даже казалось,

¹ Название вымышленное.

что он так много разъезжает именно для того, чтобы тосковать по Москве и возвращаться в нее.

И любил он не только столицу, но и районы, в которых жил, и свои квартиры: первую, сталинку на Волоколамском шоссе, доставшуюся его матери от рано умерших родителей, в ней он вырос. Вторую, в старинном особняке исторического центра, куда они переехали, когда отец разбогател. Третью, уже свою, в элитной новостройке на берегу Москвы-реки. Все это были разные квартиры, в разных районах, но каждая из них олицетворяла столицу – старую, советскую и современную. Влад быстро к ним привыкал и влюблялся в каждую...

А вот к дому, в котором он жил последние два года, привыкнуть не получалось. А полюбить и подавно. Хотя дом был очень неплохой, старинный. В городке осталось не так много дореволюционных зданий, их беспощадно сносили в начале перестройки, расчищая землю для крупного порта, который так и не был построен. Старинных домов сохранилось не больше десятка, и большинство из них находились в центре. А вот в одном из трех уцелевших на окраине жил сейчас Влад. Дом был разделен на две половины. В одной обитал Соловьев, а в другой какая-то семья. Две представительницы ее, мать и дочь, пытались сблизиться с Владом, но он пресек их попытки. Ему в этом городе не нужны были ни друзья, ни приятели, ни даже хорошие знакомые. Он вообще мечтал стать невидимкой!

Пройдя до конца улицы, Влад остановился у своего дома. За ним раскинулся пустырь, а дальше спуск к реке. Это на первый взгляд неудачное расположение его жилища нравилось Владу. Тихо, спокойно и до Волги рукой подать. Можно встать поутру, взять удочки и сбегать на часок порыбачить. На рассвете самый лучший клев! Соловьев узнал об этом совсем недавно. До того, как переехать сюда, он не интересовался рыбалкой. Влад не понимал, как она может увлекать. Поэтому, когда друзья, отдыхающие с ним на островах, отправлялись на яхте рыбачить, все то время, что они удили рыбу, он загорал на корме или кувыркался с какой-нибудь красоткой в каюте.

Но когда Влад сюда переехал, оказалось, что заняться в городке совершенно нечем. И ладно днем. В это время суток все работают. Даже Влад нашел себе занятие – устроился в фотоателье и с девяти до шести валял в фотошопе свадебные календарики и прочую ерунду. А после работы и в выходные Соловьев не знал, куда себя деть. Он смертельно скучал дома, но пойти развеяться было некуда. Не в так называемый же ночной клуб! Где-то раз в месяц Влад отправлялся в областной центр, ходил там в театр или на концерт, посещал приличный ресторан или дискотеку, знакомился с женщинами, а если не удавалось, просто заказывал девочку. Но этих редких вылазок Соловьеву было мало для того, чтобы ощущать всю полноту жизни, поэтому он решил найти себе занятие в Приреченске. И на ум пришло одно – рыбал-

ка. В городке каждый третий мужик ею увлекался, и специализированных магазинов в нем имелось множество, так что купить снасти не составило труда. Перед тем как отправиться на свою первую ловлю, Влад приобрел диск «Диалоги о рыбалке» и заставил себя его посмотреть. Набравшись элементарных знаний, пошел к реке.

В тот свой первый раз он ничего не поймал. Рыба клевала, но соскакивала – Влад неправильно подсекал. Домой он вернулся с пустыми руками и ощущением даром потраченного времени. Та же история повторялась еще несколько дней. Влад уже хотел бросить дурацкое занятие, как поймал судачка. Он был маленький, весом не больше семисот граммов, но Соловьев так намучился, пока его вытаскивал, что радовался добыче так, будто добыл пятикилограммового осетра.

С тех пор рыбалка стала любимым занятием Влада. И даже если не было клева, он все равно не считал часы, проведенные на берегу со спиннингом или мормышкой, потерянными. Ему было в кайф наслаждаться природой, тишиной, чистым воздухом. А после рыбалки возвращаться домой, споласкиваться, выпивать сто граммов коньяка или чашку горячего чая зимой (первое в выходные, второе в будни – после он еще на работу бежал), бутылку пива или лимонада летом, ложиться на диван или садиться в кресло и чувствовать приятную усталость. В эти моменты ему даже нравились и квартирка его, и домик, и улочка, и городок. Жаль, это длилось каких-то пару минут!

Подойдя к двери в свое крыло, Влад достал ключи и сотовый телефон. Последний, чтоб подсвечивать себе. Сколько раз он сам покупал и устанавливал лампочку в фонарь, висящий на ближайшем столбе, но ее тут же разбивали! Больше трех дней ни одна не продержалась, и Соловьев плюнул на затею осветить свою улицу хотя бы частично.

Отперев дверь, Влад вошел, включил бра. Прихожей как таковой в квартире не было. У Соловьева язык не поворачивался назвать прихожей то небольшое пространство между входной дверью и комнатой, где помещались только узкий шкафчик и тумбочка. Над последней висело зеркало, рядом с ним ночник. Влад любил, когда это помещение освещает именно он. А вот в комнатах он всегда зажигал верхний свет. Они, в отличие от прихожей, были огромными, с высоченными потолками, но какими-то неуютными, темными. В каждой было по три узких окна, выходящих на улицу и пустырь. Вид из них Соловьеву не нравился. Поэтому он завесил окна толстыми портьерами и крайне редко их раздвигал. Так что с «огнем» он сидел не только ночью, но и днем. В ярком свете нескольких мощных лампочек комнаты казались не такими мрачными.

Влад прошел в спальню, стянул с себя джинсы, рубашку и носки. Перед тем как облачиться в спортивные штаны и толстовку, не мешало бы принять душ, но в его «хоромах» не было ванной комнаты. Мылся Влад в кухне в корыте, поливая себя из ковша или лейки. Если б он планировал обос-

новаться в Приреченске надолго, то обязательно что-нибудь придумал бы: перенес стены, втиснул душевую кабину, поставил большой водонагреватель (но сначала выкупил бы эту квартиру, ее он снимал), но Влад мечтал покинуть городок и ждал удобного момента.

Облачившись в привычную домашнюю одежду, Соловьев прошел в кухню. Помыл руки, ополоснул лицо, открыл холодильник. На дверке стояла бутылка коньяка и пакет кефира. Влад переводил взгляд с одного на другое, решая, что принять перед сном. Выбор пал на кефир. Вынув его из холодильника, направился в так называемую гостиную. Никаких гостей, естественно, Влад в ней не принимал, он только смотрел здесь телевизор и занимался на тренажере. Сейчас он намеревался поставить диск с какой-нибудь комедией и зарядиться хорошим настроением перед тем, как отправиться спать. В последнее время Владу снились тревожные сны.

Соловьев, хлебнув кефира, распахнул дверь в гостиную. Выключатель находился за ней. Влада сначала раздражало такое неудобное его расположение, но потом он привык. Обогнув дверь, он включил свет. Три ярких лампочки вспыхнули, радуя глаз. Влад развернулся и сделал шаг по направлению к телевизору, но тут же встал как вкопанный.

На полу, между диваном и тренажером, лежал человек лицом вниз, раскинув руки. Как будто он сдавался невидимым врагам. Но Влад знал, что это невозможно. Тот, кто сейчас лежал на полу его квартиры, никогда бы не сдался. Ни явным

врагам, ни воображаемым. Влад не встречал человека смелее, чем Егор Долин. Настоящий мужик. Самый надежный и преданный друг. Единственный человек из той, другой жизни, с которым Влад поддерживал связь. Единственный, кто мог ему помочь вернуться в нее...

И вот теперь он лежит на дощатом полу без движения... В луже крови!

Влад сделал еще два шага. Но ноги не слушались. Они стали такими тяжелыми, будто Соловьев прошел километров двадцать и сейчас изнемогал от усталости. Обессиленно опустившись на колени, Влад потянулся к Егору. Но когда до его спины оставалось не больше пяти сантиметров, отдернул руку. Ему было страшно касаться тела. Влад уверится в смерти друга и ужаснется. Сейчас же у него есть крохотная, микроскопическая надежда на то, что тот просто тяжело ранен.

Тут взгляд Влада упал на лицо Егора. И все, не осталось надежды! Не бывает у живых людей таких глаз. Даже у тех, кто одной ногой уже в могиле.

Пакет с кефиром выпал из ослабевших пальцев Влада. Густая белая жидкость вылилась из него и медленно-медленно потекла к застывшей кровавой луже. Соловьев зачем-то остановил ее рукой. Как будто что-то изменилось бы, если б кефирный ручеек влился в кровавое озеро.

Влад вытер измазанную руку о штанину. Затем поднялся. Нужно было срочно что-то предпринимать. Вот только что, Соловьев пока не придумал.

Он вышел из комнаты, выключив в ней свет. Зачем? Все равно с улицы ничего не видно благодаря шторам.

Соловьев проследовал в кухню, открыл холодильник, достал коньяк. В семисотграммовой бутылке было где-то поллитра. Такого количества алкоголя ему хватило бы недели на две. Ведь обычно он не выпивал больше двух стопок. Но сейчас Влад влил в себя так много, что в бутылке осталось чуть на дне. Причем проглотил коньяк, не удосужившись налить его хоть в какую-то емкость, а хлебал прямо из горлышка. Вкуса не чувствовал, горечи тоже, пил, чтобы успокоиться. Когда алкоголь обжег желудок, Влад ощутил не приятное умиротворение, а омерзение. Сорвавшись с места, он бросился в туалет. Его вырвало.

Утираясь тыльной стороной ладони, он вернулся в кухню. Попил воды. Почистил зубы. Помыл руки. Все эти действия его успокоили. И Влад даже смог думать. Например, он понял, как Егор попал в дом. Тот открыл дверь, воспользовавшись ключом, который Влад хранил в щели за косяком. Он научился этому у Долина. Егор имел домик в деревне, а так как постоянно терял или забывал ключи, то запасные всегда хранил в «тайничке». О нем знали все друзья Егора. И если приезжали в домик в отсутствие хозяина, находили ключ, отпирали дверь и входили. Долин несколько часов назад поступил так же.

Он отпер дверь, вошел в дом Соловьева и проследовал на кухню. Теперь Влад видел, что не хватает нескольких пря-

ников в вазочке. И минеральная вода открыта. То есть Егор очень хотел есть. Наспех перекусив, он сходил в туалет (сиденье унитаза поднято, а когда Влад уходил, было опущено) и передислоцировался в комнату.

Соловьев сделал так же. Вернулся в гостиную, осмотрелся.

«Если убийца находился в доме, – размышлял он, – то он явно подстерегал не Егора. О том, что он сегодня зайвится ко мне, даже я не знал. Отсюда вывод: охотились за мной. И Долин погиб по ошибке. Но если киллер сидел тут, в квартире, и ждал моего возвращения, то почему он не сразу напал? Егор минут десять слонялся по квартире. Главное же – заходил в туалет. Стоял спиной к двери. Был идеальной мишенью. И киллер этим не воспользовался? Странно...»

Влад, не включая света, направился к окну. Он знал, что Егор ненавидел полумрак и стоячий воздух. В его квартире не имелось штор, а форточки всегда были нараспашку. Долин обожал яркий свет и сквозняки.

«Наверняка он решил раздернуть портьеры и открыть фрамугу, – подумал Влад. – Подошел к окну и... Получил пулю? Но тогда были бы осколки стекла на полу, а их нет...»

Влад повторил предполагаемый путь Егора. А чтобы не наступить впотьмах на него самого, подсвечивал себе телефоном. Штора на окне была чуть сдвинута. Значит, Егор совершенно точно ее касался. Отодвинув занавеску, Влад обнаружил, что фрамуга приоткрыта. То есть Долин решил

проветрить помещение, распахнул створку и...

Киллер караулил его на улице. Ждал момента. Как будто знал, что рано или поздно Долин захочет открыть окно. Выходит, он был осведомлен о его привычках. А значит, жертвой должен был стать именно он, Егор!

Получив пулю, он умер не сразу. Успел шарахнуться от окна, сделать несколько шагов задним ходом, и только после этого рухнул на пол. Причем, выбросив вперед руки. Он был обучен падать так, чтобы не травмироваться. Вот только теперь это умение не пригодилось. Когда Егор упал, он уже был мертв.

Вдруг по квартире разнесся странный звук. Он переходил с рычания на писк ежесекундно. И оба эти оттенка были одинаково мерзкими. Не сразу до Влада дошло, что это надрывается его дверной звонок.

Соловьев беспомощно огляделся. Он не знал, что ему делать. Открывать? Но он никого не ждет. И значит, сейчас в его дверь трезвонит кто-то опасный. Убийца? Но тот вряд ли стал бы звонить. Милиция? А вот это запросто. Что, если кто-то слышал выстрел? Или видел что-то подозрительное? Значит, Влада пришли либо допрашивать, либо... Арестовывать!

Мерзкий звук повторился. Теперь в нем превалировало рычание. Словно визитер сердился на хозяина квартиры за то, что тот его не впускает.

«Бежать? – мелькнуло в голове у Влада. – Через окно?»

Но бежать было некуда! И Соловьев, обреченно выдохнув, пошел открывать. Дверь в комнату, где лежал труп, он плотно прикрыл.

Глава 2

Галка обожала музыку. Она была страстным меломаном с детства. Мама вспоминала, что, когда новорожденная дочка капризничала, не желая спать, чтобы ее утихомирить, она включала магнитофон. И стоило музыке зазвучать, как ребенок успокаивался. Особенно хорошо Галка тогда спала под Юрия Антонова. Матушка была страстной его поклонницей, и записей его песен у нее имелось предостаточно. Почему-то особенное умиротворение накатывало на дочь под первые аккорды «Центральных улиц». Но и песня «Берегите женщин» отлично убаюкивала девочку-меломана.

Когда Галка стала постарше, ее музыкальные вкусы изменились. С трех лет до пяти она отправлялась в кровать только в том случае, если мама включала кассету с песнями Михаила Боярского.

Галка-первоклашка обожала Рому Жукова. «Первый снег, в нашем городе вновь первый снег...» Эту песню она готова была слушать бесконечно. То есть она ставила ее и, когда композиция заканчивалась, запускала ее вновь. А по телу бежали мурашки. Как будто в их городе тоже выпал первый снег. Даже летом, когда палило солнце, а от жары скручивались листья на деревьях, Галка, слушая эту мелодию, видела снежинки, опускающиеся на землю. И ощущала приятный холодок, точно осенний ветер обдувал ее лицо! И в этом она

видела силу музыки...

Повзрослев, она увлеклась творчеством Валерия Меладзе. Его голос сводил ее с ума. Галка даже не вникала в текст. И мелодия ей была не очень важна. Главное – слышать соловьиные переливы Валериного голоса.

Галка-абитуриентка обожала Филиппа Киркорова.

Галка-первокурсница Трофима.

Галка-дипломница Григория Лепса. И теперь не сладко-голосье привлекало ее, а брутальная хрипотца.

Но что характерно, влюблялась она только в исполнительский талант артистов, а не в них самих. И, в отличие от большинства поклонниц, она на концертах не выкрикивала в экзальтации имя своего кумира, не рвалась к сцене, не пыталась коснуться хотя бы краешка сценического костюма. Галка сидела на своем месте и слушала...

Увлечение творчеством Григория Лепса прошло в двадцать два года. Но очароваться кем-то другим у нее долго не получалось. Она, конечно, слушала музыку и засыпала только под нее, но ни один исполнитель ее не «цеплял» так сильно, чтоб гонять его хит по несколько раз в день, как когда-то «Первый снег».

В двадцать три она случайно попала на концерт некоего Руслана. До этого она не слышала о таком исполнителе. И вряд ли пошла бы на его выступление, если б не подруга Лена. С ней Галка училась в институте, и девушки были очень близки. Но по окончании вуза Галина вернулась в родной го-

родок, а Лена осталась в областном центре. Видеться стали редко. Но все же раз в сезон встречались – Галка приезжала к подруге в гости. Обычно они устраивали посиделки дома, но иногда ходили в театр или на выставку. Но однажды Лена заявила: «Сегодня мы идем в ночной клуб!» Услышать такое от скромницы Лены было дико. Она никогда не посещала подобных мест.

– С чего вдруг у тебя появилось столь странное желание? – поинтересовалась Галка.

– Руслан дает единственный концерт в нашем городе именно в клубе.

– Кто такой Руслан?

– Ты? Не знаешь? Руслана?

– Нет.

– Ну уж от тебя, меломанки, я такого не ожидала, – возмутилась Лена. – Это восходящая звезда поп-музыки. Он раньше пел в группе «Пацаны».

– Я про такую группу и не слышала.

– А я на их концерте была. Они приезжали в наш город. Выступали на стадионе в День молодежи. Ты, наверное, домой тогда ездила. – Галка пожалала плечами. А подруга продолжала: – Группа так себе оказалась. И основной солист пел не ахти. А вот Руслан... Это что-то!

– Хорошо поет?

– Прекрасно. Но мне он нравится не поэтому. Руслан – душка. Когда его по телевизору показывают, я глаз от него

оторвать не могу! Надеюсь, он так же хорош и в жизни, иначе мне будет жаль потраченных на билет денег.

– Так ты ж его в жизни уже видела!

– С расстояния пятидесяти метров. В кепке и очках! Теперь он совсем другой стал. Кстати, если не хочешь идти, я твой билет продам. На них огромный спрос!

Но Галка решила сходить на выступление. Ей было интересно посмотреть на Руслана и послушать его. Может, на самом деле хорошо поет? Ей очень не хватало увлечения чьим-то творчеством.

Когда подружки пришли в клуб, оказалось, что среди публики почти нет представителей мужского пола. За столиками сидели девушки и даже взрослые женщины, все нарядно одетые, возбужденные, многие из них с цветами.

Галка с Леной прошли к своему месту, устроились, заказали шампанского. Когда им принесли вино, выпили по фужеру, а тут и концерт начался.

Едва Руслан вышел из кулисы, как барышни повскакивали со своих мест и ринулись к сцене. Вплотную к ней подойти им мешали охранники, но все же поклонницы достаточно близко стояли, чтобы рассмотреть певца. Галка не была исключением. А все из-за Лены, которая, вскочив, схватила подружку за руку и увлекла за собой. Так Галка оказалась в полутора метрах от Руслана и смогла его хорошо рассмотреть.

Лена не соврала, он оказался очень привлекательным молодым человеком. Смуглым, черноволосым, с европейски-

ми чертами лица. Одет Руслан был в обтягивающие голубые джинсы и белую приталенную рубашку навыпуск. Этот скромный наряд отлично сидел на нем, подчеркивая стройность фигуры. Образ дополняли массивные серебряные украшения – цепочки и браслеты. А вот что с ним, с образом то есть, не вязалось, так это татуировка чуть выше запястья: корявая, синяя, явно сделанная не в салоне, а на дому или в армейской казарме. Когда Руслан высоко поднял руку с микрофоном, рукав задрался и наколка стала видна. Только никто, кроме Галки, ее, похоже, не заметил. Всеобщее внимание было приковано к лицу Руслана. Как только парень запел, оно стало таким завораживающим, что глаз не оторвать. Галка тоже ощутила магнетизм его внешности и голоса. И вместе с остальными фанатками стала раскачиваться в такт мелодии и подпевать Руслану, хотя его песни слышала впервые, но припевы быстро запомнила.

А когда концерт закончился, она по примеру остальных скандировала «Руслан!» и вызывала его на бис. И еще жалела, что у нее нет букета, чтобы преподнести ему.

Из клуба Галка ушла почти пьяная. Когда она принимала алкоголь, то становилась не похожей на саму себя, спокойную, уравновешенную, не болтливую. В ней начинали кипеть страсти, бурлить гормоны, фонтанировать мечты. Эмоции переполняли ее и вырывались наружу диким смехом, несвязным потоком слов. Возвращаясь из клуба, Галка взахлеб рассказывала Лене о своих впечатлениях от концерта,

весело смеялась, вспоминая самые удачные его моменты, и мечтала попасть еще хотя бы на один...

Лена слушала подругу и дивилась. Чего это с ней произошло, не пила ведь почти? Ей и в голову не приходило, что та впервые по-настоящему влюбилась.

На следующий день Галка по пути на вокзал зашла в магазин звукозаписи, спросила, есть ли диск Руслана. Ей ответили отказом. Причем продавец уставился на покупательницу с явным недоумением. Типа, кто это такой? Тогда Галка двинулась дальше. Она знала, что на привокзальной площади есть киоск. Там диски «левые», записи на них ужасного качества, но зато ассортимент огромный. Как и ожидалось, в нем песни Руслана продавались. Причем не только на аудионосителях, но и видео. А еще кассеты с песнями группы «Пацаны», в которой начинал Руслан. Галка скупилла все, что имелось, и поспешила на электричку, чтобы поскорей оказаться дома и послушать божественный голос своего нового кумира.

До родного городка езды было почти три часа. И все это время Галка изнывала от нетерпения. И очень жалела о том, что не взяла с собой плеер.

Когда она наконец добралась до дома, то в первую очередь не в туалет побежала, хотя очень хотела по малой нужде, не к раковине, чтобы руки помыть, а к магнитофону. Сунула диск, нажала кнопку «пуск» и... Аж зажмурилась от удовольствия. Красивый баритон Руслана усладил ее слух, а

смысл песни, им исполняемой, душу.

За пару дней она выучила все песни. Даже те, что не понравились. И засмотрела диск с концертным выступлением. А ночами Руслан ей снился. Он то просто жил с ней по соседству, то приезжал в городок с концертом и, увидев Галку, влюблялся в нее и оставался в Приреченске навсегда. Сны ее были то невинны, то чувственны. Если Руслан оказывался соседом Галки, то она просто с ним дружила. Но когда он увозил ее с концерта, продолжение сна бывало весьма нескромным. Руслан приводил ее в свой гостиничный номер и там... О, как он ее целовал! Как ласкал ее тело. Как страстно прижимал к себе...

Дальше Галка даже в своих снах не заходила. Просыпалась в томлении, вставала, включала диск с песнями Руслана и тихо, умиротворенно плакала под их звучание. Тот факт, что есть на свете такой талантливый и красивый человек, делал ее счастливой. Конечно, она очень хотела бы, чтобы ее сны сбылись (хотя бы самые невинные), но она была здравомыслящим человеком. Поэтому не грезила наяву о том, как Руслан будет очаровываться ею, увидев ее среди публики. Галка была девушкой приятной, но не броской, к тому же полноватой. В таких с первого взгляда не влюбляются. Тем более популярные исполнители.

Но где-то в глубине ее души жила надежда на чудо. Да, она не Мисс мира, не модель и даже не королева красоты местного масштаба. Обычная девушка со своими недостат-

ками. Но ведь любят не только эффектных, правильно? Кто-то видит красоту души. А у Галки душа такая, что ух!..

Так что когда стало известно об очередном визите Руслана в большой город по соседству, она засобиравалась на концерт не только для того, чтобы послушать, посмотреть на него, но и показать себя. Вдруг Руслан обратит на нее внимание? Ведь шанс на это всегда есть. Маленький, но все же...

Галка начала готовиться к поездке загодя. Купила наряд, села на диету (платье специально приобрела маловатое), покрасила волосы. Пропила курс глицина, чтобы вести себя на концерте со сдержанным достоинством. Отложила денег на самый шикарный букет. Но когда наступил день «Ч», пошел дождь. Да так неожиданно, что Галка мигом промокла. Она как раз направлялась на железнодорожную станцию, вся при параде, макияже и прическе. Ливень, заставший ее в пути, за считанные минуты испортил все ее труды. Косметика потекла, волосы намокли, слиплись, тщательно отглаженное платье повисло, облепив постройневшие после диеты, но все равно полные ноги. Галка стала похожа на бездомного барбоса. Когда она дошла до станции и взглянула на себя в стекло вокзального окна, то ужаснулась. Нет, не могла она в таком виде идти на концерт! Конечно, она высохнет и будет выглядеть лучше, но все равно не так хорошо, как ей хотелось. Галка так расстроилась, что не села в подошедшую электричку, а вернулась домой и весь день проплакала. Она увидела в нежданном ливне знак судьбы, которая препятствует ее

встрече с Русланом!

Потом она себя сильно ругала, но ничего уже нельзя было исправить. И Руслан больше в ближайшие города не приезжал. Зато с каждым месяцем становился все более популярным. И Галку это радовало. Прежде всего потому, что теперь Руслана часто показывали по телевизору, диски с его песнями продавались повсюду, а в журналах печатались интервью с ним. Галка все лучше узнавала Руслана и все глубже увязала в своем чувстве. И то радовалась ему, то невероятно страдала из-за его неразделенности. Однако любовью своей дорожила, считала ее больше благом, чем наказанием, а Руслана безоговорочно самым прекрасным мужчиной на земле!

Когда Галкиной любви исполнилось два года, случилось страшное. Руслан попал в автомобильную аварию. Эту новость передали по радио, когда она была на работе. Ведущий сообщил, что джип Руслана на полной скорости въехал в столб и загорелся. Хозяин машины погиб.

Дослушав сообщение до конца, Галка упала в обморок.

В чувство ее приводили всем отделом. И по щекам били, и обмахивали журналом, и нашатырь под нос совали, но она в себя не приходила. Даже вонючий тампон не возымел действия (девушка только морщилась). Коллеги уже собирались вызывать «Скорую», как Галка вдруг открыла глаза и прошептала: «Не верю!»

Все сразу поняли, о чем она. О ее любви к Руслану знали все без исключения. И не одобряли. Потому что увлечься

надо обычными мужчинами, теми, что под боком, а не звездами. Особенно, когда тебе двадцать пять, а ты еще не замужем и парня постоянного не имеешь.

– Галь, – обратилась к ней начальница. – Ты только не переживай так... Но Руслан на самом деле погиб. Сейчас по центральному радио сказали.

– Нет! – замотала головой она. – Не может он погибнуть! Только не он... – И зарыдала.

Начальница вздохнула тяжело и пошла вызывать «Скорую помощь».

Приехавший врач сделал Галке укол и отправил домой. Сопроводить ее вызвалась одна из коллег. Она вела Галку под руку и журчала что-то успокаивающее. Но та не слушала. Она думала только о Руслане. И все еще не верила, что он погиб.

В тот день она сразу уснула. И снились ей такие замечательные сны о Руслане, что не хотелось пробуждаться. Однако пришлось, потому что мама настойчиво трясла дочь за плечо и восклицала:

– Да проснись ты! Галка, слышишь? Жив твой соловей... Жив!

Галка решила, что это ей тоже снится. Но матушка не отставала:

– Да хватит дрыхнуть! Пятнадцать часов уже спишь!
Дочь разлепила веки, посмотрела на мать и спросила с надеждой:

– А то, что ты про Руслана говорила, мне не приснилось?

– Нет, не беспокойся. Жив он. В программе «Утро» сказали. Только пострадал очень. Переломался да обгорел. Но жив.

Галка вскочила с кровати, бросилась к телевизору и просидела возле него весь день. Но по всем программам говорили одно и то же. Жив, но состояние критическое.

Через неделю стало ясно, что Руслан поправится. Врачи утверждали это со стопроцентной гарантией. А его продюсер Артур Каримов обещал фанатам, что Руслан вернется на сцену. Причем с новым альбомом. И сразу после его выхода отправится в большой тур по городам России.

Галка стала с нетерпением ждать возвращения своего кумира. Ждать пришлось недолго. Не прошло и трех месяцев с момента аварии, как новый альбом поступил в продажу. День, когда это произошло, был одним из счастливейших в ее жизни. Вот только разочаровал он Галку. Руслан в корне изменил репертуар и манеру исполнения. Он перестал петь во весь голос. Да и не требовали танцевальные песенки надрыва связок. А лирических баллад, коими славился Руслан, в новом альбоме было только две. И те он исполнял в новой манере. Пел с нежностью, но без страсти.

Еще одно разочарование постигло Галку, когда она увидела новый клип. Руслан изменился и внешне (что, собственно, было объяснимо, новый репертуар, новый имидж). Вместо элегантных костюмов мешковатые джинсы и футболка в об-

липку. Волосы снизу выбриты, сверху длинные, собранные в кукиш на макушке. На лице бородка и пирсинг. Татуировка покрывает правую руку целиком, а также плечо и поднимается по шее и щеке к виску. Галка от экрана отпрянула, когда увидела, во что превратился ЕЕ Руслан. Как будто и не он был перед ней! Хотя вроде похож... Но... Не он, и все!

Потом в одном из интервью Руслан объяснил эти разительные перемены. Татуировкой он закрывал ожоги на теле, а бородкой шрам. Да и репертуар обязывает. А его сменил Руслан из-за того, что после аварии и мучительного выздоровления хочет легкости, праздника, веселья. И мечтает разделить все это со своими поклонниками.

Галка скрепя сердце приняла его позицию. И постаралась полюбить новые песни, но не получилось у нее ничего. И внешность Руслана больше ее не будоражила. И если он снился ей, то таким, каким был раньше: элегантно одетым, гладко выбритым, со спадающей на глаза челкой и армейской наколкой над запястьем.

Мнение ее разделили многие фанатки. Поэтому из старой гвардии поклонниц Руслана почти никого не осталось (Галка была членом фан-клуба певца в Интернете и вела переписку с себе подобными). Они предали его анафеме и переключились на Стаса Михайлова. Зато у Руслана появилось множество новых поклонниц, молоденьких и легкомысленных, которым нравилось танцевать под его песни, а не вслушиваться в них.

Галка не относилась ни к первой категории, ни ко второй. Она не отвернулась от певца, но и к его поклонницам уже не могла себя отнести. Слушала старые песни, смотрела давнишние записи, но когда видела по телевизору новое выступление, переключала канал, чтоб не расстраиваться. Галку не оставляло странное ощущение. Ей почему-то казалось, что ее обманывают. Подсовывают вместо Руслана кого-то другого. Похожего, да, и внешностью, и голосом, и манерами, а все же липового. Она за такие мысли себя ругала. Потому что никому больше это в голову не приходило, а раз так, ей просто мерещится. Ну, изменился человек после аварии, с кем не бывает? Вон ее бывший классный руководитель после клинической смерти вообще стал себя женщиной ощущать. И сейчас в Москве добивается разрешения на операцию по перемене пола. А Руслан просто поменял имидж, ерунда же...

О том, что у них новый сосед, Галка узнала от мамы. Как-то за утренним чаем та спросила:

– Видела парня, что въехал в Манькину половину дома? – Манька, то есть Мария Алексеевна Петрова, их соседка, умерла не так давно. Ее дочь, вступив в права наследства, решила квартиру не продавать, а сдавать.

– Нет, – скупой ответила Галка. Она решила, что мама снова надумала ее «просватать». Она поздно дочь родила и боялась не дожить до внуков. Вот и обращала ее внимание то

на одного представителя сильного пола, то на другого. А с некоторыми из них и вовсе норвила Галку свести, для чего приглашала в дом на чаепитие.

– Странный он какой-то, – продолжала матушка. – Нелюбимый. Если не сказать, дикий. Оказывается, уже больше месяца живет по соседству, а не слышно его, не видно. Сидит, как медведь в берлоге.

– Не освоился пока, подожди.

– Я тоже так подумала. Поэтому решила с визитом вежливости явиться. Представиться, так сказать. Ну и спросить, может, помочь чем.

– И что он?

– А ничего. Даже в квартиру не пустил. Продержал на пороге несколько минут, пока я представлялась да про город наш рассказывала. А как замолкла, тут же попрощался и дверь перед моим носом закрыл.

– Грубиян!

– Да нет, не грубил он мне. Слушал вежливо, свое имя назвал. Видно, не хотел общаться. Может, просто со мной, старухой? А если ты придешь, он по-другому себя поведет?

– Зачем я к нему пойду, мама?

– Познакомиться.

– Зачем?

– Как это? Из вежливости...

– Мама, не темни. Признайся, надеешься на то, что мы друг другу понравимся, поженимся и нарожаем тебе внуков.

– Так далеко я не заглядываю. Буду рада и тому, что вы по-дружитесь. У тебя ведь совсем нет приятелей мужского пола. Только с девчонками общаешься, а от парней шарахаешься, как будто съедят они тебя.

– Не выдумывай. Просто мне с ними не интересно. Вот и все...

– Сходишь к соседу? – не отставала матушка.

– Хорошо, схожу, – устала препираться с ней Галка.

– Вот и молодец. Его Владом зовут. Фамилия Соловьев. Симпатичный, кстати, парень. Черненький, как ты любишь. Только стрижется очень коротко. Уж не в тюрьме ли сидел? Если да, ты поосторожнее с ним...

– Мама! Да сейчас многие стригутся под машинку. Не только бывшие зэки.

– Ну и славно. А то страшно в зятях судимого иметь, мало ли... – Но тут же, поняв, что проболталась, прикусила язык.

Знакомиться с соседом Галка отправилась уже на следующий день. Была суббота. В окне Соловьева горел свет. Она прошествовала к двери, позвонила. Открыли ей не сразу. Как потом стало ясно, хозяин надеялся, что визитеру надоест ждать, когда ему откроют, и он уйдет. Но Галка была девушкой настойчивой! И ей открыли.

– Добрый вечер, – поприветствовала она соседа. На улице было темно, в прихожей полумрак, и хорошо рассмотреть его не получилось.

– Здравсьте, – откликнулся он.

– Я ваша соседка Галина. Вот зашла познакомиться...

– Влад Соловьев.

– Это вам! – Она протянула новому знакомому вазочку с домашним печеньем. Напекла накануне. Не с пустыми же руками идти! – В знак добрососедской дружбы, так сказать...

– Спасибо, но я не ем мучного, – ответил он. – Рад был знакомству. А теперь извините, вынужден откланяться. У меня там макароны варятся.

– Так вы же мучное не едите, – не смогла смолчать Галка. Сосед улыбнулся. Но все равно дверь закрыл.

Обиженная Галка схватила печенье и сунула в рот. Она всегда заедала негативные эмоции чем-нибудь сладким. Прожевав печенье и почувствовав себя немного лучше, она зашагала прочь от дома Соловьева, но вдруг встала как вкопанная.

Пока она разговаривала с соседом, все не могла отделаться от мысли, что его лицо ей откуда-то знакомо. И хотела рассмотреть его получше, но не получалось. К тому же нижней частью лица Влада закрывала борода. Не модная трехдневная щетина или эспаньолка, а самая настоящая борода. Недлинная, аккуратно подбрита, она подошла бы какому-нибудь интеллигентному мужчине за сорок, а не молодому грубияну со стрижкой урки. Ей даже подумалось вдруг, что Влад на самом деле сидел. Но когда он улыбнулся, Галка изменила свое мнение. Таких великолепных зубов у бывших заклю-

ченных не бывает. Они обычно без них «откидываются» или с фиксами. А тут сразу видно – свои зубы, за которыми тщательно следят.

Галка остановилась на полпути именно потому, что вспомнила улыбку Влада. Она так изменила выражение его лица, что девушка вспомнила, кого сосед ей напоминает...

Нет, даже не так! Это просто ОН! Не похожий как две капли воды человек, а он...

Руслан!

Галка схватила печенье и отправила в рот. Ожесточенно жуя, она уговаривала себя не забивать голову ерундой: «Нет, нет, не может быть! Что Руслану тут делать? Он либо погиб, либо там, в Москве, и выглядит еще более непохожим на себя, чем этот... Влад Соловьев!»

Решительно развернувшись, Галка заспешила к двери. Она просто обязана посмотреть на Влада еще раз. И теперь, когда он ей откроет, она не останется за порогом. Шагнет в дом и детально изучит его лицо.

Надавив на кнопку звонка, Галка сцапала еще одно печенье и проглотила его, не жуя. Она готовилась к «штурму», но...

Ей даже не открыли. Галка дважды позвонила, однако это ни к чему не привело. Портьера на одном из окон качнулась, как будто хозяин выглянул на улицу и, поняв, кто явился, решил не открывать. Сделал вид, что не слышит ее звонка.

Пришлось ей ретироваться. Но сдаваться она не собира-

лась!

Уже на следующий день она караулила соседа у окна. Но тот не появился. То ли дома сидел весь день, то ли, наоборот – уехал. И так еще пару дней. Когда Галка уже потеряла надежду увидеть Влада, он появился. Она на работу спешила, а он шел с реки. В спортивном костюме, кепке, с полупустой бутылкой минералки в руке. По всей видимости, Влад возвращался с утренней пробежки. В их Приреченске это было настолько не принято, что она немного опешила. Но когда пришла в себя, поприветствовала Влада стандартным: «Доброе утро!»

– Доброе, – откликнулся тот и прошел мимо.

– Как ваши дела?

Влад показал ей известный жест «ок», сомкнув указательный палец с большим. И быстро скрылся за своей дверью. Галка могла бы броситься ему вслед, но на работу спешила. Да и при утреннем свете Влад не казался ей уж так похожим на Руслана. Что-то общее, бесспорно, есть, но...

Совсем другая энергетика у мужчины. У Руслана позитивная была, а у этого мрачная. Не скажешь, что плохой человек или злой, но подавленный, хмурый, похоже, весь во внутренних противоречиях, и из-за этого отталкивающий.

А несколько ночей спустя Галке приснился сон. Видела она в нем Руслана, но не того, из прошлого, любимого, родного, и не нового чужого, а какого-то совсем особенного. Вроде и на того похож, и на другого, и на соседа. Больше на

последнего. Выражением лица и бородой. И видела она его в Марьиной квартире грустного-грустного. И говорил Влад-Руслан Галке о том, как плохо ему, одиноко. И без любви пусто. А она жалела его, гладила по коротким волосам, и переполняло ее чувство нежности, как к брату, который погиб в подростковом возрасте.

Проснувшись, Галка сама не своя ходила. И все высматривала соседа, но он снова «ушел в подполье». А через четыре дня она уехала из Приреченска. Да не в областной город, даже не в столицу, а далеко-далеко, за границу. Проработав три года в конторе городского порта, устав от рутины и безденежья, она отправила в международное кадровое агентство свое резюме. Сделать это ей подсказала подруга Лена, та самая, что затащила ее на концерт Руслана. Она сама уже полгода жила и работала в Польше. Ей очень нравилось. Галка решила последовать примеру подруги. И уехать за бугор. Сменить обстановку, заработать и посмотреть мир. Но предложений о трудоустройстве все не поступало. Галка уже решила, что ее кинули (за то, чтоб ее внести в базу данных, затребовали двести долларов), но, когда она перестала ждать, с ней связались.

Проработала Галка за границей полтора года. Контракт был на три, но фирма, где она трудилась, развалилась, а новое место она искать не стала. Вернулась в Приреченск.

Первые дни ей казалось, что она спит. И все силилась пробудиться. Потому что не нравилось ей сновидение. Оно угне-

тало ее. Своей серостью, унылостью, беспросветностью. И что самое главное – однообразием. Галка будто каждый день видела один и тот же черно-белый сон, только наяву. А тут еще дожди, ветра. Небо низкое, давящее. Совсем не такое, к какому она привыкла за последние полтора года. И это летом! А что же осенью будет твориться?

Влад Соловьев по-прежнему оставался их соседом. Галка видела его один раз из окна. Была суббота, утро. Он шел с реки с удочкой, судком. В камуфляжном костюме, в шапчонке вязаной, болотных сапогах. Типичный абориген. И все же что-то было в нем от Руслана. Только ее теперь это мало трогало. Она окончательно и бесповоротно разлюбила Руслана. Да и к музыке вообще охладела. Повзрослела, что ли?

Как-то она шла по улице, уныло глядя по сторонам. Серость окружающего мира уже не раздражала ее, но нагоняла тоску. Хотелось закрыться в квартире, выпить хорошенько, съесть коробку конфет и посмеяться под хороший комедийный фильм. Но пить в одиночку Галка не привыкла, а мама компанию не составит, ей противопоказан алкоголь, от сладкого она давно отказалась, чтобы с возрастом еще больше не расплыться. Так что единственный выход, это комедия.

– Галка, ты? – услышала она радостный возглас. – Вот это встреча!

Обернувшись, она увидела высокую стройную девушку. Скользя взглядом по ее загорелому лицу, она взвизгнула: – Соня! – и бросилась обниматься.

Соня Жигалина была одноклассницей Галки, как и ее сестра-близнец Вероника. Только с последней Галка не очень ладила в школе, а вот с Соней, можно сказать, дружила. Не так чтобы крепко, но в гости друг к другу ходили, а будучи старшеклассницами, вместе в школьном лагере вожаатыми работали.

– Не ожидала тебя тут встретить! – воскликнула Галка, выпустив Соню из объятий. – Ты же уезжала куда-то далеко... На Кавказ вроде, да?

– Да, туда.

– Вот откуда такой шикарный загар!

– Нет, это из других мест, – улыбнулась Соня. – Я давно не живу на Кавказе.

– А чего ты тут? К дедушке приехала погостить?

– Дед умер недавно.

– Прими мои соболезнования, – пробормотала Галка. – Я не знала. В Приреченске всего неделю.

Соня пожала ей руку и сказала:

– Вот хоронить приезжали, но решили задержаться до девятого дня.

– То есть и сестра тут?

– Да, Ника тоже здесь.

– А у нее как дела?

– Отлично.

– Где она сейчас обитает?

– В Хорватии.

– Да ты что? За границу перебралась? Я вот тоже полтора года за бугром провела... Работала там.

– А Ника просто живет, не работает. Муж бывший ее обеспечивает.

– Такая же красавица, как раньше?

– Стала еще эффектнее.

– Ты, кстати, тоже! Отлично выглядишь!

– Ты меня опередила, – засмеялась Соня. – Только что хотела тебе сказать то же самое. Похудела ты, смотрию...

– Заметно, да? – Галка игриво качнула постройневшими бедрами. – Я стараюсь. – Но тут же помрачнела и добавила: – Но, чувствую, если останусь тут, снова разожрюсь. Тоска такая, что меня постоянно на сладкое тянет.

– Да, в нашем Приреченске ничего не меняется. Как был дырой, так и остался.

– А приходите сегодня с Никой ко мне в гости? Выпьем, поболтаем...

– А что? Отличная мысль. Сестра тоже тут вся извелась от скуки. А сегодня ревела полдня. В котором часу приходиться?

Галка назначила время, и девушки распрощались.

Мама скорому приходу гостей обрадовалась. Начала суетиться у плиты, готовить фирменную рыбу и пирожки жарить. Галка не противилась. Знала, как мать любит готовить, но редко это делает, потому что угощать некого.

Сестры явились в назначенный час. Соня несла в руках пакеты с вином и закуской. Ника – модную сумку и цветоч-

ки для Галиной мамы. Она на самом деле стала еще эффективнее, Соня не преувеличила. В ней появился лоск, которого всегда не хватает провинциальным красавицам. А Ника была именно красавицей! Причем признанной. На первом (и единственном) конкурсе красоты Приреченска стала вице-мисс.

– Привет, – поздоровалась она с хозяйкой. – А ты не меняешься, все такая же пампушка.

«А ты все такая же злыдня!» – мысленно ответила ей Галка, а вслух сказала:

– Я похудела на семь килограммов.

– Надо же, незаметно.

И впорхнула в комнату, неся себя и свой букет в мамином направлении. А та улыбалась ей и чирикала что-то восторженное. Ника почему-то всем родителям нравилась. Галкиной матушке в том числе.

– Не обращай на нее внимания, – шепнула Соня. – Она поправилась немного, вот и у других только лишние килограммы замечает.

– Даже у тебя? – хмыкнула Галка, окинув взглядом подтянутую фигуру подруги.

– У меня в первую очередь. Я же при ней раздеваюсь.

– То есть у тебя есть лишние кило?

– Наверное, – пожала плечами Соня. – Я даже не знаю, сколько вешу, никогда не заморачивалась из-за веса.

На этом разговор на сию тему был исчерпан.

Вчетвером сели за стол, выпили. Девушки вина, мама соку. Она, понимая, что молодежи без нее будет веселее, вскоре ушла в свою комнату.

– Ну, наконец-то! – выдохнула Ника, когда Галина мама скрылась.

Соня с укором посмотрела на сестру.

– А что я такого сказала? При предках не расслабишься же. А мне надраться хочется!

– Ты знаешь, и мне, – призналась Галка.

– Тогда чего мы дуем этот компот? – Она щелкнула пальцем по бутылке.

– А у нас только он, – напомнила Соня. – Мы ж одно вино покупали.

– Это ты только его, а я вискарика взяла. – Ника открыла свою сумку и достала из нее плоскую бутылку шотландского скотча объемом семьсот миллилитров и водрузила ее на стол.

– Ого! – Соня присвистнула. – А не многовато?

– В самый раз! – И Ника принялась разливать виски по фужерам.

Ника не угадала. В самый раз не вышло. Оказалось мало. И девушки вернулись к вину.

Они уже порядком нагрузились, когда речь зашла о Руслане.

– А ты все еще фанатеешь по тому певцу? – спросила хмельная Ника, ткнув пальцем в стеллаж, на котором лежа-

ли диски Руслана.

– Нет... Уже нет. – Галка грустно улыбнулась. – Я вообще уже ни по кому не фанатею. Повзрослела.

– Давно пора! А почему тогда весь этот хлам не выкидываешь?

– Пусть останется на память. К тому же я иногда ностальгирую под его песни... – Тут она встрепенулась. – А давайте сейчас послушаем Руслана?

– Ой, не надо, – запротестовала Соня. – Не люблю всю эту лирику...

– Да Руслан теперь совсем другие песни поет, – заметила Ника.

– А ты откуда знаешь? Ты ж за границей живешь.

– Моя спутниковая тарелка ловит и российские каналы. – Она ткнула Галку локтем в бок. – Давай, включай. Ритмичная музычка будет кстати. Можем потанцевать...

– У меня нет новых записей Руслана.

– Почему?

Галка наклонила голову и заговорщицким шепотом выдала:

– Потому что тот, кто сейчас себя так называет, не Руслан.

– А кто? – недоуменно спросила Соня.

– Его двойник, – еще тише ответила Галка. И огляделась по сторонам с таким опасливым видом, будто доверила подругам страшную государственную тайну.

– А я думала, – в тон ей проговорила Софья, – иноплане-

тянин...

– Да вы, девушки, пьяны! – расхохоталась Ника.

Галка сначала удивленно моргала, глядя на Сою, а потом тоже засмеялась. И продолжила уже нормальным тоном:

– На самом деле я уверена, что Руслана заменили похожим на него парнем.

– А смысл?

– Он же в аварию попал около двух лет назад. В серьезную. Сначала даже в новостях передали, что он погиб. Но потом другая информация прошла. Руслан якобы выжил, но сильно пострадал. Однако собирается вернуться на сцену. И вернулся. Причем скоро. Словно и не было никакой аварии. Да только вернулся другим, как будто его подменили.

– Думаешь, он на самом деле тогда погиб? А продюсеры, чтобы не терять деньги, вложенные в артиста, выпустили вместо него на сцену двойника?

– Да.

– Ерунда! – отмахнулась Ника. – Близкие Руслана не позволили бы этого. Если человек умер, он должен покоиться с миром, а...

– А он и не умер! – не дала ей договорить Галка.

– Здрааааасти. Только что сама говорила...

– Я думала, что умер. Но он жив. И живет он... – Она замолчала, намереваясь держать паузу, но ее поторопили.

– Ну и где? – с любопытством выпалила Вероника. – На островах, что ли? Или, как сейчас модно, в Лондоне?

– Нет, он в России остался. И живет он... – Галка все ж ввинтила паузу, но недолгую. – В нашем городе!

– Ну... – разочарованно протянула Ника. – Я думала, ты серьезно. А тут фантазии...

– Да я серьезно. Он тут, в Приреченске, живет уже два года. А знаете, где именно?

– Сейчас скажет, что за стенкой, – подмигнула Вероника сестре.

Соня с интересом посмотрела на Галку.

– Да я вам клянусь, в соседях у меня Руслан живет! – вскричала Галка.

– Не может такого быть, – покачала головой Соня. – Сосед твой просто похож на Руслана.

– Нет, он на него не похож. Руслан худошавый был, высокий. Этот крепкий, чуть выше среднего роста. И лицо какое-то другое. Но вот чувствую я, он это!

– В землю пошел?

– В смысле?

– Ну ладно, поправился. Но как он ниже мог стать?

– Да, наверное, просто казался выше со сцены. И камеры снимали его снизу. А еще он худее был и одевался иначе. В общем, выглядел эдаким дядей Степой. А оказался чуть повыше тебя.

– И как же ты его узнала тогда?

– По улыбке! Она осталась прежней.

– И все равно ты ошибаешься, – упрямилась Соня.

– А давай поспорим!

– На что?

– Да хоть на что.

– На десять штук! – азартно выкрикнула Ника.

– Деньги исключаются, – мотнула головой Соня.

– Тогда на поджопник. Или как у нас в школе говорили, на жесткий пендель.

– Нет, на пинки пусть мужики спорят.

– Ладно, тогда на щелбаны.

– Ника, – с упреком протянула Соня. – Ну что ты как маленькая? Давайте лучше на кукареку. Или поцелуй.

– То есть?

– Кто проиграл, тот выходит на улицу и кукарекает. Или лобзает первого встречного мужика.

– Последнее одобряю! – вскричала Ника. – Только если проигрывает Галка, она лобзает не одного, а сразу двух. Ставки-то у нас один к двум.

– Договорились, – азартно выпалила Галка и выставила руку, чтобы скрепить спор рукопожатием.

Глава 3

Влад открыл дверь. Поскольку на улице было темно, он рассмотрел только силуэт. Темный, подвижный, но не опасный.

– Добрый вечер! – приветствовал его силуэт женским голосом.

– Ночь, – поправил Влад.

– Что вы говорите?

– Ночь сейчас, не вечер.

– А... Ну да... Извините, если побеспокоили. Но вы ведь не спали, да? У вас свет горел...

– Может, я со светом сплю? – буркнул Влад и хотел закрыть дверь, но визитерша не собиралась ретироваться.

– Разрешите войти? – спросила она. – Уж коли мы явились вот так, среди ночи...

– Мы? – удивился Влад, но тут заметил, что женщина не одна. Из темноты вынырнули еще два силуэта. – Кто там с вами?

– Подруги.

– А вы сама кто?

– Я-то? Ой... А вы что, не узнали меня? Я соседка ваша, Галя.

Влад, естественно, ее не узнал. Во-первых, было очень темно. А во-вторых, он плохо помнил соседскую Галю. Судя

по голосу, это была младшая, но, как она выглядела, Влад, убей, не помнил.

– Так можно войти? – настаивала на своем девушка.

– Что вам нужно? – недоуменно спросил Влад.

– Галя, отстань от человека, – услышал он другой голос, более низкий. – Не видишь, не до тебя ему.

– На самом деле, девочки, пошли восвояси, – подхватил еще кто-то. Ясно, что тоже женщина, но и ее Влад не смог рассмотреть.

– Ладно, пойдем, – откликнулась Галина. – Но сначала кое-что выясним... – И она шагнула на порог.

Ее маневр был столь неожиданным для Влада, что он не успел ничего предпринять. И вот уже в его прихожей стоит соседка, которую он все ж таки вспомнил.

Галя была из породы тех женщин, про которых говорят – уютная. Среднего роста и комплекции, с очень милым румяным лицом и русыми кудряшками. Именно таких барышень снимают в рекламе йогуртов, приправ или быстрорастворимой лапши. Гале наверняка еще не исполнилось тридцати, и она была довольно стройна, но лет через пять-семь, если не будет за собой следить, раздобрееет и тогда станет живой рекламой каких-нибудь пудингов или готового слоеного теста.

– Вы извините еще раз, – проговорила она. – Мы не займем много вашего времени...

Что оставалось Владу? Только смириться. Не выгонять же Галю и ее подружек.

– Не могу пригласить вас в комнату, у меня там бардак, – сухо сказал он. – Поэтому проходите на кухню.

– Там бардака нет? – с сомнением спросила Галя. По всей видимости, она считала, что на кухне холостяка горы грязной посуды, крошки и вонючие полотенца – нормальное явление.

Влад не стал реагировать на ее замечание. Молча указал на нужную дверь.

Галя направилась к кухне, предварительно махнув своим подругам. Те последовали ее примеру.

Когда девушки вошли в дом, Влад смог их рассмотреть. Примерно одного возраста, обе симпатичные, стройные. Только одна высокая, вторая маленькая. Та, что ниже, красивее. На какую-то артистку похожа. Изабель Аджани, кажется. Такая же черноволосая, синеглазая, с точеным личиком. Но Владу больше понравилась высокая. В ней было что-то от амазонки. Спортивная фигура, смуглое лицо, выгоревшие прядями (именно выгоревшие, а не мелированные) волосы. Девушка олицетворяла собой энергию, силу и свободу. Когда-то он и сам был таким...

Был, да весь вышел!

– Здравствуйте, – приветствовала хозяйина «Амазонка». – Еще раз простите, но обещаю, мы сейчас же уйдем.

– Да, – поддакнула «Аджани», обернувшись. Теперь, когда обе девушки смотрели на Влада, стало ясно, что они близкие родственницы, скорее всего, сестры. – Нам просто

очень нужно выяснить одну вещь.

Он тяжело вздохнул. Чего им от него надо?

– Нет, посмотрите на него! – возмутилась «Аджани». – К нему среди ночи три красотки заваливаются, а он еще и недоволен!

Тут до Влада дошло, что визитерши пьяны. Причем изрядно. И как он не заметил этого сразу?

– Вас как зовут? – спросила Галя, вперив в него внимательный взгляд.

– Вы же знаете, я представлялся.

– И все же...

– Меня зовут Влад Соловьев.

– А меня Ника! – представилась «Аджани». Затем и имя сестры назвала: – Это Соня.

Влад не стал отвечать стандартной фразой «Приятно познакомиться!», потому что ему было плевать на то, как девушки зовут.

– А вас, значит, Влад? – не отставала Галина.

– Да, – из последних сил сдерживался он.

– Паспорт покажите.

– С какой к стати?

– Ну, пожалуйста...

– Так, все, девушки, разговор окончен. Прощайте!

Он решительно направился к Галине, чтобы взять ее под локоток и выпроводить, но тут заметил, что «Амазонка», кажется, Соня, взяла с холодильника его паспорт, который он

бросил, придя из банка днем, и раскрыла его.

– Владислав Сергеевич Соловьев, – прочла она и вернула документ на место. – Ты проспорила, Галка!

– Не факт, – тряхнула кудряшками соседка. – Паспорт может быть поддельным.

– Тогда какого черта ты просила его показать? – насупилась «Аджани». А ее сестра подхватила:

– И вообще... Как ты собралась отстаивать свою правоту, если паспорт не доказательство нашей?

– Я могу узнать, о чем вы? – начал злиться Влад.

– Галя утверждает, что вы не Влад Соколов, а Руслан.

– Какой еще Руслан?

– Певец такой популярный. Не слышали?

– Нет.

– Вы что же, телевизор не смотрите? – вскинула бровь Галина.

Соня дернула ее за руку и сказала:

– Пошли, девочки.

«Аджани»-Ника кивнула и двинулась к выходу, а вот Галя никак не желала уходить.

– Постойте! – воскликнула она. – Я знаю, как проверить, обманывает он или говорит правду. У Руслана была татуировка выше запястья. Обычная синяя. Кажется, армейская.

– Если я покажу вам свою руку, вы отстанете? – хмуро спросил Влад.

– Клянусь.

Соловьев задрал рукав толстовки и продемонстрировал руку от запястья до локтя.

– Не эту, правую.

Влад задрал другой рукав. Рука оголилась. На ней не было никакой татуировки.

– Довольны? – обратился он к соседке.

– А у вас там шрам, – задумчиво проговорила она. – Такие остаются после того, как тату сводят.

– А еще после того, как вены режут. Хотел, знаете ли, с собой в двадцать лет покончить из-за несчастной любви.

Повисла пауза. Нарушила ее Соня:

– Простите нас, Влад. Мы уходим. – И сурово кивнула Галине.

Та больше не упрямилась. Кинув цепкий (если не сказать препарирующий) взгляд на Влада, она последовала за подружкой. Ника ушла последней. И тоже посмотрела на него, но с задумчивой внимательностью.

Когда барышни наконец ушли, Соловьев запер за ними дверь и облегченно выдохнул. Эта мгновенная передышка позволила ему избавиться от дрожи в руках и ногах. Интересно, незваные гости заметили, как его трясло?

Влад вернулся в кухню, выпил стакан воды. Затем еще один. Но в горле оставалось сухо. Решив не обращать внимания на жажду, Соловьев достал сотовый телефон. В нем было так мало номеров, что телефонная книжка вся умещалась на экране. Даже листать не надо.

Влад быстро нашел нужный номер и нажал дозвон. Трубку сняли после второго гудка.

– Слушаю, – раздался хриплый со сна голос.

– Санек, привет, извини, что разбудил.

– Ничего.

– Это Влад.

– Да я слышу... – Санек Калязин прокашлялся. Дальше заговорил привычным, слишком высоким для крупного мужчины голосом: – Что случилось?

– У меня большие проблемы. Обратиться не к кому. Не подъедешь ко мне? Я только посоветоваться хочу.

– Лады. Через десять минут жди.

Санек Калязин был единственным человеком в Приреченске, к которому Влад относился с симпатией. Да и общался с ним чаще, чем с остальными аборигенами.

Этот огромный, мускулистый, весь в синих наколках молодой мужчина работал охранником в торговом центре, том самом, где располагалось фотоателье Влада. За то время, что Соловьев там работал, блюстителей безопасности сменилось немало. И только Санек никуда не исчезал. Работал и работал. Кажется, даже без выходных. По крайней мере, Влад сталкивался с ним каждое утро, а трудился он пять дней в неделю. И выходило, что Санек работает не как его собратья по профессии, сменами два дня через два, а по какому-то другому графику. Влад, когда встречал его, думал о том, что Калязину очень нужны деньги. И сделал вывод, что у того

есть семья, дети. Жена, скорее всего, в декретном отпуске, а еще мать-старуха или отец-инвалид. Но оказалось, тот живет один. Причем в деньгах особо не нуждается. Это выяснилось, когда Влад встретил Санька на реке. У того было отличное обмундирование и японская лодка с мотором. На зарплату охранника такую не купишь. Значит, Калязин имел еще какой-то приработок, более денежный, а пропадал в торговом центре все дни не из-за зарплаты. Ему просто нечем было заняться дома, а чтобы порыбачить всласть, хватало одного выходного.

До той встречи на реке Влад с Саньком только здоровались. Но когда оказалось, что у них общее увлечение, они стали иногда беседовать на интересующие обоих темы. Чем Санек нравился Владу, так это своей ненавязчивостью и немногословностью. Говорил он только по делу и рублеными фразами. И никакого мата для связки слов, как у большинства аборигенов.

А однажды Влад здорово Санька выручил. Поздним вечером он возвращался с вокзала домой. Приехал на последней электричке из областного центра. Машин у вокзала не было. Пришлось топтать ножками. А путь был не близкий и проходил он по темным переулкам «славного» Приреченска.

Влад шел с опаской. Подсвечивал себе телефоном. Вдруг он услышал в одной из подворотен характерные звуки борьбы. Кто-то дрался. И дрался жестоко. Влад хотел пройти мимо (он никогда не был героем), но тут узнал одного из деру-

щихся. Это был Санек Калязин. И он отмахивался сразу от троих.

У Влада в телефоне был очень своеобразный рингтон. Под вой милицейской сирены некто грубо матерился и хриплым голосом орал: «Стой, стрелять буду!» А фонарик в том же мобильном светился голубым. И Влад решил попробовать Саньку помочь. Он врубил рингтон и принялся включать и выключать фонарь. Как будто это работает мигалка на крыше милицейской машины. В довершение всего Влад начал громко топтать, будто по переулку кто-то бежит. Его усилия не пропали даром. Нападавшие на Саньку мигом разбежались. Сам он рухнул на асфальт. Влад подбежал к нему, помог подняться.

– Че такое? Менты где? – тупо тряс головой Санек.

– Нет никаких ментов. Это я... – И снова включил рингтон. – Надо же было как-то тебя отбить...

– Спасибо, чувак. Я теперь твой должник.

– Да брось ты, – отмахнулся Влад.

Лицо Санька было в крови. Из рассеченной брови капало, из носа текло. Губа тоже кровоточила. Но Калязин будто не замечал этого.

– Как же ты вовремя, – бормотал он. – Я был уже без сил. Укатали бы меня...

– Слушай, Сань, пошли ко мне домой, тут недалеко, умоешься хоть.

– Ага, веди...

И Влад повел Калязина к себе. Добрались до дома минут за десять. Могли бы скорее, да Санек шел нетвердо. Умывшись и стянув с себя окровавленную футболку, он попросил:

– Можно чайку?

– Конечно. У меня и спиртное есть. Хочешь коньяку или пива?

– Нет, спасибо. Мне нельзя сегодня. Завтра соревнования.

Влад удивленно воззрился на Санька.

– На меня и напали из-за них, – объяснил тот. – Я явный фаворит. На меня все ставили. Но если я выйду из игры... О-о-о... Кто-то очень хорошо зарабатывает.

– Я не понял, о чем ты.

– Я участвую в боях без правил. Только ты никому, ладно?

– Да кому я?... – хмыкнул Влад.

– Знаю, ты не трепач. Потому и рассказал тебе.

– Я предполагал, что ты имеешь побочный доход. Но, честно говоря, не думал, что такой. Мне ты всегда казался очень безобидным.

– Я такой и есть. В жизни не дерусь. По молодости было, ввязывался. Но когда силы не рассчитал и убил, завязал.

– Ты убил человека?

– Было дело. За женщину заступился, в электричке. Чудом избежал тюремного срока. Отмазал хороший человек. Тренер по самбо. Я у него много лет занимался. Он же потом меня на соревнования по боям вывел. Сейчас нет его уже в живых. А я все на ринге воюю. Деньги-то надо как-то зара-

батывать.

– А у тебя специальность есть?

– Есть. Художник я.

– Серьезно?

– Иллюстратор. Две детские книжки оформлял. Но там тоже заплатили какие-то гроши. А у меня только страховка за машину сорок тысяч в год.

– У тебя есть машина? – удивился Влад. На работу Санек всегда приходил пешком.

– Есть. Внедорожник. Я раз в год в Астрахань езжу на рыбалку. Лодку за собой таскать на чем-то надо. Да и на соревнования ездить...

Влад тем временем заварил чай. Поставил перед Саньком дымящуюся кружку.

– Я что сказать хочу... – Калязин отхлебнул добрый глоток. Обжегся, стал надувать щеки, чтобы охладить ротовую полость. – В общем, если понадобится помощь, ты обращайся.

– Надеюсь, что не понадобится. Но спасибо.

И вот спустя каких-то пару месяцев он обратился-таки к Саньку, потому что больше не к кому!

«Наверное, это глупо, доверить такую тайну незнакомцу, – размышлял Влад, ожидая приезда Калязина. – Но что сделать? Помощь нужна. А ждать ее неоткуда. Тот единственный человек, который всегда приходил мне на помощь, сейчас лежит мертвый в моей спальне. И необходимо изба-

виться от труп...»

Время тянулось невероятно медленно. Влад нервно расхаживал по кухне, хватался то за бутылку воды – но либо делал лишь глоток, либо просто крутил крышку, – то за телефон, то за занавеску. Он поминутно выглядывал в окно, чтобы проверить, не идет ли Санек. Но даже если б тот и появился, Соловьев вряд ли рассмотрел бы его – на улице стояла непроглядная тьма.

Наконец в дверь постучали. Влад бросился открывать.

– Фу! – выдохнул Санек, вваливаясь в прихожую. – Еле отбился.

– От кого? – испугался Влад. Сначала он подумал, что на Калязина снова напали отморозки, решившие вывести его из строя накануне соревнований. А после вообще решил, что тот столкнулся с киллером.

– От девок пьяных, – добродушно улыбнулся тот. – Зацеловали меня, дуры.

– Их было трое?

– Ага. Пари они какое-то заключили. Проигравшая обязана была поцеловать первого встречного. Но кто выиграл спор, они так и не решили, поэтому накинулись на меня все сразу.

– И где они сейчас?

– Одна в дом ушла. В твой же. Две зашагали вниз по улице. Повезло им со мной. А то до утра бы стояли.

Санек разулся. Кроссовки не расшнуровал, а просто стя-

нул их с ног, наступив носком на пятки.

– Можно чаю?

Влад уже знал, что Санек страстный чаевник. За день он выпивал до десяти чашек. Любил чай крепкий, сладкий, обязательно свежезаваренный. На рыбалке вообще с кружкой и термосом не расставался. Другие водочку с собой брали, а Санек только чай. Заваривал его в котелке и пил, пил, пока пот ручьями не начинал стекать. Остатки переливал в термос, садился в лодку и приканчивал любимый напиток в процессе рыбной ловли.

– Саш, боюсь, придется без чая обойтись...

Калязин внимательно посмотрел в лицо Влада и коротко кивнул. Он понял, что дело серьезное.

– Говори, что случилось.

– Пошли, покажу.

И провел Санька в спальню.

Тот, увидев труп на полу, нахмурился. Затем подошел к нему, присел на корточки, повернул за плечо, рассмотрел рану на груди, коснулся лица покойного. Зачем он сделал последнее, стало ясно мгновением позже.

– Холодный совсем, – сказал Санек. – Но трупных пятен пока нет. Убит, скорее всего, днем.

– Ты в этом разбираешься?

– Полтора года в морге проработал. – Калязин поднялся на ноги, вытер руки о штаны. – Я видел тебя днем в банке. Ты в очереди стоял. А она была нехилой. Думаю, ты проторчал

там часа два. У нас тут одно отделение на весь город.

– Да, я провел там много времени.

– Значит, не ты убил этого чувака. Хотя... Ты мог плюнуть и уйти из банка.

– У меня есть чеки оттуда, и на них проставлено время. Если надо, покажу. После банка я забежал домой на минуту. Бросил паспорт, банковские документы, квитанции по оплате квартиры, деньги и снова ушел на работу. Заказ срочный нужно было доделать. Вернулся полчаса назад и... – Влад указал на труп и закончил: – И вот что обнаружил.

– То есть, когда ты забежал сюда после банка, покойника не было?

– Не знаю. Я только в кухню зашел. Попил и оставил документы на холодильнике.

– Скорее всего, труп уже был.

– Возможно.

– Ты знаешь этого человека?

– Да. И очень хорошо. Это мой друг из Москвы. Несколько дней назад он позвонил, сказал, что у него неприятности. Обещал приехать и все рассказать.

– Приехал, – вздохнул Санек. – Но рассказать не успел. Влад угрюмо кивнул.

– А почему ты позвонил мне, а не в милицию?

– Никакой милиции...

– Они установят точную дату смерти, проверят твое алиби. И если ты говоришь правду, тебе ничего не угрожает.

– Я не могу светиться. Поэтому нужно избавиться от трупа. У меня сейчас голова не соображает. Я думал, ты подсказешь, как это сделать.

– Подскажу. И даже помогу вынести труп. Но с одним условием.

– Каким?

– Ты расскажешь мне правду о себе. Начнем с главного. Как тебя зовут?

– Влад Соловьев, ты же знаешь.

– Да перестань ты! Ты первое время на это имя через раз откликался, я заметил. Сейчас, конечно, привык. И родом ты не из Самары, как уверял. У тебя явно московское «аканье». И уж точно ты не работал журналистом. Ты пишешь с ошибками.

– Не знал, что ты такой наблюдательный, – проворчал Влад. Слова Санька его поразили. Он-то был уверен, что придумал себе вполне убедительную биографию (в Самаре он бывал много раз и хорошо знал город, и в работе журналистов разбирался, потому что много раз давал интервью), а на деле оказывалось, что достаточно быть просто внимательным человеком, чтобы его «раскусить».

– Да, я наблюдательный, – поддакнул Санек. – Когда мало говоришь, много видишь. Я сразу понял, что ты темная лошадка. Но так как это не мое дело, я оставил свои мысли при себе. Однако сейчас я должен знать правду. Если ты мне ее не расскажешь, я просто уйду. Я не буду тебе помогать,

но и вредить не стану. – И он показал подбородком на труп, намекая на то, что не сообщит о нем куда следует.

Соловьев тяжело, по-стариковски вздохнул и нехотя заговорил:

– Ты прав, меня зовут не Владом. И в Самаре я не жил. Я родился в Москве. И мое настоящее имя Руслан...

Глава 4

Русик Гаев рос единственным ребенком в семье. Единственным, любимым, балованным. Родители были уже немолды, когда Русик появился на свет. Маме тридцать восемь, отцу за сорок. До Руслана у них уже был сын Георгий. Но он умер в возрасте двенадцати лет. Мальчик родился инвалидом. У него оказалась врожденная патология почек. Врачи уверяли, что такие дети не доживают до пяти лет. Но Георгий мучился двенадцать. Столько же мучились и родители. Особенно мама. Ведь на ней была вся забота о сыне. Отец очень много работал, чтобы обеспечивать семью. А жена ухаживала за Жорой, который так отекал, что не мог ходить. Он лежал в кровати, раздувшийся до недетских размеров, невероятно страдал, но больше него страдала мать, ведь она ничем не могла помочь своему сыну.

Когда Жорик умер, она сказала мужу: «Я больше не хочу детей». Но он уговорил ее родить еще одного ребенка. И на свет появился Русик. Здоровенький и симпатичный. Эдакий черноглазый ангелочек. В детском саду все воспитатели и няньки были от него без ума, не говоря уже об одноклассниках. В школе ситуация несколько изменилась, но не кардинально. Русик рос мальчишкой шепутным, шумным, любящим привлекать к себе внимание. Заскучав на уроках, мог начать баловаться, а то и хулиганить или подбивать к это-

му ребят, из-за чего ему частенько доставалось от учителей. А вот одноклассницы Русика из-за его выходок любили еще больше. Даже когда в подростковом возрасте его лицо покрылось прыщами, а фигура стала нескладной, потому что он вытянулся за лето на двадцать сантиметров, девочки все равно ему симпатизировали. Ведь Русик был всегда весел, интересен, хулиганист, а как он пел!

То, что у мальчика хороший слух, стало ясно в раннем детстве. Он так здорово отстукивал на ведрах услышанные мелодии, что родители решили отдать его в музыкальную школу. Мама мечтала о том, чтоб мальчик освоил фортепиано. Папа настаивал на гитаре. А Русику было все равно, на чем играть. Хоть на пианино, хоть на гитаре, а хоть бы и на ведрах. Но на инструментальное отделение принимали только с шести лет, а вот на вокальное – с четырех. Поэтому родители отдали Русика сначала туда, чтобы через два года перевести на инструменты. Но когда сыну исполнилось шесть, он уже сам научился играть и на фортепиано, и на гитаре, а пел так, что в хоре солировал. Вот только мальчику быстро надоели занятия в музыкальной школе, и он ее не закончил. Но петь и играть не перестал. Выступал на всех школьных мероприятиях. Ездил на конкурсы. Занимал призовые места. Но больше всего любил петь, аккомпанируя себе на гитаре, в компаниях друзей, приятелей. Среди них он был самым собой. А на сцене приходилось что-то из себя корчить. И даже одеваться не в то, во что привык, мешковатые джинсы и

толстовку, а в костюм или рубашку и отутюженные брюки.

К одиннадцатому классу Русик стал главной школьной знаменитостью и первым сердцеедом. К семнадцати годам он избавился от прыщей и угловатости. Стал красивым, статным. Его черные волосы были прямыми, довольно длинными и густыми, как у индейца. Тяжелая челка спадала на темно-карие глаза, закрывая смоляные брови. Девушкам очень нравилось, когда он убирал ее со лба пятерней или отбрасывал небрежным движением головы.

По окончании школы Русик поступил в Гнесинку. Легко, без усилий. К тому же на бесплатное отделение. Хотя это было не так уж важно, потому что его отец открыл свое дело и зарабатывал весьма неплохо. Но все же тот факт, что мальчик учится на бюджетном отделении, радовал родителей. Для них это было еще одним поводом для гордости за сына.

На втором курсе Русик чуть не женился. Влюбился в сокурсницу так, что начал писать песни. Ранее у него и мысли не было об этом. Он считал себя хорошим исполнителем, и только. Мелодии и стихи не рождались в его душе. Но стоило Русику полюбить, как она наполнилась рифмами и музыкой. Избранницу его звали Лейла. Она приехала в Москву из Кабардино-Балкарии. Красавица, глаз не оторвать. А талантливая какая! В общем, женский вариант Русика. Именно поэтому, если нужно было петь дуэтом, ребят ставили вместе. Дуэтом они выступали и по клубам. И один раз участвовали

в конкurse. Так что их роман можно было назвать «служебным».

Развивался он не так стремительно, как Русик привык. Обычно девушки оказывались в его постели на первом или втором свидании, а за Лейлой пришлось долго ухаживать. Она живо откликнулась на его чувства, но не спешила Русику отдаваться. Их первая близость произошла только после того, как он сделал Лейле предложение и познакомил ее с родителями. Им девушка была представлена уже как невеста. Отцу с матерью она очень понравилась. Их не смутило ни то, что Лейла мусульманка, ни отсутствие у нее московской прописки. Родители сразу поняла – девушка порядочная и сына их она любит. Маму еще умилило, что Русик с Лейлой очень похожи. Оба черноволосые, кареглазые, стройные. У таких родителей детки получатся просто загляденье. В общем, семья жениха дала добро на свадьбу.

Оставалось только познакомить Русика с родными Лейлы и получить их согласие. Девушка поехала на родину первой, чтобы подготовить своих родителей. Руслан собирался к ней присоединиться через пару дней. Он очень волновался перед встречей с будущими тещей и тестем, но был почти уверен, что понравится им. Однако познакомиться с ними ему так и не удалось. Прямо перед отъездом Русику позвонила Лейла и дала отбой. Сказала, оставайся в Москве, я скоро приеду и все объясню.

Когда она вернулась, выяснилось, что ее родители катего-

рически не желают иметь в зятях иноверца. К тому же москвичка и желторотого мальчишку. По их мнению, дочка должна выйти замуж за взрослого, состоявшегося соплеменника. И желательно за того, кого ей подберут родители. Их семья, конечно, современна и демократична (иначе не отпустили бы дочь учиться в Москву), но некоторые традиции соблюдать необходимо. На них зиждется все благополучие рода.

Русик стал уговаривать любимую пойти против семьи, но Лейла ни в какую. Более того, вскоре она разорвала отношения, а через полгода по настоянию родителей вышла замуж за сорокасемилетнего дагестанца, имеющего свой коммерческий банк. Супруг сделал жене королевский подарок на свадьбу – дал денег на запись сольного альбома и съемки клипов. Лейла быстро стала звездой.

Как потом стало известно Руслану, девушка и вышла за «старика» лишь потому, что он пообещал ее раскрутить. А родители не навязывали ей жениха. Они и от Русика ее отказываться не заставляли. Поставили перед выбором: либо он, либо немолодой банкир. Лейла сама приняла решение. Без давления. Она очень хотела стать звездой.

По прошествии лет выяснилось, что она прогадала. Банк мужа рухнул, он разорился. Карьера девушки сразу застыла. Да и не до нее уже было. У супруга от переживаний случился инсульт. Лейла, беременная, его выхаживала. Когда он поправился, попробовал подняться, но ничего не вышло. Злость свою он срывал на жене и дочке. В конечном

итоге Лейла от мужа ушла. Пыталась пробиваться в столице сама, но не вышло. Через год она с дочкой вернулась на родину.

А у Руслана за это время жизнь развивалась с точностью до наоборот. Сразу после разрыва с Лейлой он от нервного расстройства потерял голос. Его отчислили из училища, забрали в армию (отец мог отмазать, но не захотел, только пристроил в хорошую часть). Русик прослужил год. Играл в военном оркестре. Видел Лейлу по телевизору и страдал ужасно. И не только от непроходящей любви. Ему хотелось доказать Лейле свою состоятельность. Чтоб она увидела его вот так же на экране и поняла, какую ошибку совершила...

Но голос не возвращался!

Демобилизовавшись, Руслан уже собрался восстановить себя в училище, но на другом курсе, как свершилось чудо. Его друг и бывший сокурсник Егор Долин отправился на кастинг и за компанию прихватил Руслана. Набирали парней в музыкальную группу. Друг решил себя попробовать. Пел он превосходно и двигался неплохо. Но его не взяли. Причем едва он вошел, ему отказали, даже не дали песню допеть. Сказали – не тот типаж и не хватает индивидуальности. Зато к ожидающему друга Руслану подошла помощница продюсера и спросила, почему он не участвует в кастинге. Тот честно ответил – голоса нет. Но женщина отмахнулась и велела заходить сразу после товарища. Руслан вошел и...

Был принят после пятиминутного собеседования! Ока-

залось, для участия в бойз-бэнде совсем необязателен шикарный голос. Достаточно иметь броскую внешность, харизматичность, пластичность и музыкальность. Спеть-то Русик мог, пусть и слабенько. А лучше и не нужно было. На роль солиста уже давно утвердили сына продюсера. Под него коллектив и подбирали.

Так Руслан стал участником квартета «Пацаны». На первых порах он был на седьмом небе от счастья. Занимался любимым делом, зарабатывал деньги, был на виду. Но впоследствии оказалось, что не все так радужно. Халтурить не хотелось, а приходилось, платили крайне мало и постоянно оттесняли в тень. Светился один солист. А если на концертах поклонницы предпочитали ему кого-то другого (обычно Руслана), то после выступления тот закатывал истерику. Сынок продюсера вообще был скандальным малым. Чуть что – ор, капризы. Но пел неплохо. Не так хорошо, как Руслан когда-то, но все ноты вытягивал. Вот только лентяем был страшным и обычно работал под «фанеру». А еще любил выпить и принять таблетку. Бывали концерты, на которых солист либо плохо держался на ногах, либо вел себя не совсем адекватно. Если б парень не был сыном большого босса, его как минимум замучили бы штрафами, а как максимум – выперли из коллектива. Но ему все сходило с рук. И вот однажды...

Набиравших популярность «Пацанов» пригласили выступить в модном московском клубе. Это было очень от-

ветственно, и парни немного нервничали. Солист больше остальных. Чтобы успокоиться, он выпил, затем принял синтетический наркотик. От этого коктейля у парня «снесло башню». За пять минут до выхода на сцену он начал бешоваться, кидаться на коллег. Стало ясно, что выпускать на сцену его нельзя. Администратор группы в панике позвонил продюсеру. Тот велел дать трубку сыну. Но когда послушал его бессвязный лепет, перемежающийся гневным ором, велел администратору вызвать для сына «Скорую», а концерт провести без него. Но кто заменит солиста? Выступление планировалось как живое. У остальных пацанов с голосом была проблема. Оставалось только запустить фонограмму, но Русик сказал:

– Я буду петь!

– Но у тебя же нет голоса, – возмутился администратор.

– Кажется, уже есть... – И запел.

Голос вернулся неожиданно и очень кстати.

То выступление стало триумфальным для «Пацанов». Его сняли телевизионщики и несколько раз показали по музыкальному каналу. После этого группа стала гораздо популярнее, а Русик вообще превратился в звезду. Его тут же сделали солистом (сын продюсера к тому времени лег в клинику, где лечат наркоманов), но Руслану вскоре стало тесно в группе, захотелось сольной карьеры, и по истечении срока контракта он ушел на «вольные хлеба».

Продюсера Руслан себе нашел быстро. А вот с авторами

дело обстояло хуже. Все песни, которые для него покупались, его не устраивали до конца. И если ритмичные хоть как-то ему подходили, то лирические не соответствовали образу и не бередили душу самого исполнителя. А ведь это очень важно – петь не горлом, а сердцем.

И тогда Руслан вспомнил о тех песнях, что писал для Лейлы. Достал тетрадочки с записями, но они оказались не нужны. Руслан не забыл ни текст, ни музыку, ни тот душевный настрой, с которым писались песни. Любовь прошла, а воспоминания о ней остались. И они позволили ему записать композиции, ставшие впоследствии хитами.

С Лейлой он ни разу не увиделся. Когда он стал популярным и его начали приглашать на сборные концерты, она пропала со сцены. Еще не уехала домой, но уже мало выступала. Руслан рад был тому, что судьба их не сталкивает. Он давно успокоился и уже ничего не хотел никому доказывать, поэтому решил для себя, что лучше Лейле оставаться в прошлом.

Популярность Руслана быстро росла. Вскоре пришло время, когда ему стал требоваться телохранитель. Те ребятки, которых приставлял к нему продюсер, Руслана раздражали. Тупые, пугающе огромные, они не внушали ему доверия. Кажется, что они только выглядят устрашающе, а как дойдет до дела, спасуют. Поскольку у Руслана появилось море поклонниц, среди которых попадались и не совсем нормальные, то защита ему требовалась настоящая, а не бутафорская. Нужен был парень сообразительный, с хорошей реак-

цией и навыками борьбы, а не шкаф с пушкой. Руслан же не мафиози, чтобы его охранял такой «браток». На него если и нападет кто, то скорее неадекватная поклонница. Ее придержать нужно, а не калечить или, того хуже – застрелить.

– А давай я к тебе телохранителем пойду? – предложил как-то другу Егор. – Я все равно постоянно рядом с тобой.

Это была правда. Руслан взял друга на бэк-вокал, и тот с ним гастролировал.

– Но ты не сможешь и петь, и охранять.

– Значит, буду только охранять. У меня черный пояс по карате, я смогу.

– Нисколько в этом не сомневаюсь! – Руслан на самом деле не сомневался. Егор был как раз тем человеком, которого он хотел бы видеть в роли своего охранника. И сообразительный, и с отменной реакцией, и карате владеет. А еще Долин служил в ВДВ. Он был старше Руслана на пять лет. И в училище поступил уже после армии. До нее он провалил экзамены в Гнесинку, но нигде более учиться не желал. – Из тебя вышел бы отличный телохранитель. Но ты же мечтаешь стать популярным певцом...

– Уже нет.

– Как это?

– Да очень просто. Не судьба мне, понимаешь? Я участвовал в куче кастингов, но ни разу меня не взяли даже во второй состав. Про сольную карьеру я вообще молчу. Об этом я уже и не мечтаю. Сцена любит подобных тебе, ярких, непо-

вторимых. Я же обычный.

– Ты талантливый. У тебя отличный голос.

– Да, неплохой. Но подобных мне множество. Большинство таких, как я, на бэк-вокале у таких, как ты.

– У тебя все еще может получиться!

– А если нет, Рус? Так и буду до старости на подпевке?

Не хочу...

– То есть ты намереваешься совсем с пением завязать?

– Да. Я собираюсь начать жить заново. А если и вернусь в шоу-биз, то только в качестве продюсера. Так что, берешь меня телохранителем?

Руслан, естественно, ответил другу согласием. И ни разу потом не пожалел об этом. Долин идеально выполнял обязанности бодигарда. Дважды он уберег Руслана от серьезных бед. Один раз к нему кинулась фанатка с ножом, другой – с бутылкой уксуса. Хотела выжечь ему глаза, чтоб не смотрел на других девушек.

Егор стал настоящим ангелом-хранителем Руслана, оставаясь при этом добрым другом. Особенно ценным было то, что Долин не завидовал своему успешному товарищу. Он искренне радовался его успехам. Более того, он гордился Русланом. А если к тому относились без должного почтения, выходил из себя.

Как-то во время очередного гастрольного тура они оказались в захолустном местечке под названием Решетово. Концерт давали в соседнем крупном городе, а на ночлег их от-

правили в загородный клуб, находящийся в близлежащем поселке. На его территории имелись ресторан, дискотека, кальянная, но там Руслана не оставили бы в покое, задержали бы. Кому автограф, кому фото, с кем-то надо выпить. Провинциальные богатеи не отличались культурой поведения. И Руслан уговорил Егора прогуляться в поселок. Когда они проезжали по нему, видели вывеску ночного клуба. Русику было любопытно посмотреть, что он собой представляет. Замаскировавшись (бейсболка, очки в роговой оправе с простыми стеклами, накладные усы делали его неузнаваемым), он в компании Долина отправился «в народ».

Заведение оказалось задрипанным даже по провинциальным меркам. Деревянные лавки, столы без скатертей. За барной стойкой усталая тетенька с толстой попой. За ее спиной батарея роскошных бутылок. Ни в одной нет алкоголя. Они стоят для красоты. А посетителям ничего, кроме пива да водки, не предлагается. Вход в «клуб» при этом платный – сто рублей. В программе вечера выступление какого-то пародиста.

Ценник оказался смешным. Есть то, что заказали, было невозможно. Роллы напоминали скорее рисовые шарики. Причем несвежие. Пить можно было только пиво. Если его и разбавили, то водой из-под крана, а она в этих местах оказалась неплохой.

Поскольку заведение было единственным в городке, то народу явилось много. Когда на сцену вышел паренек, одетый

под Верку Сердючку, столиков свободных уже не осталось. Егор с Русланом допивали свое пиво, когда к ним подлетел охранник и пролаял:

– Попрошу освободить столик. Он заказан, а вы сели!

– Ничего подобного, – возразил Егор. – Столик был свободным. И мы уйдем, когда захотим.

– А я вам говорю, его резервировали днем вот эти люди. – И указал на квартет вновь прибывших посетителей.

Руслану было ясно, что охранник все это выдумал, чтобы избавиться от клиентов, которые уже расплатились. Они ведь заказывать больше ничего не будут, а тут пришли те, кто принесет заведению дополнительную выручку. «Знали бы они, кого выгоняют!» – усмехнулся он про себя, а вслух сказал:

– Егор, пошли.

– Даже не подумаю, – возразил тот.

– Не будем привлекать к себе внимание...

– Еще как будем, – хищно улыбнулся Долин. – Не за себя, Рус, за тебя обидно...

– Освободите стол! – потерял терпение охранник.

– Хорошо! – промурлыкал Долин. Его тон не предвещал ничего хорошего. Поэтому Руслан встал из-за стола. И вовремя. Потому что в следующий миг Егор поднял стол (посуда посыпалась на пол) и швырнул в барную стойку, у которой как раз никого не было.

– Ах ты!.. – взревел охранник и кинулся на Долина. Но где

ему, толстозадому, справиться с Егором. Тот быстро скрутил его, а двум пьяненьким аборигенам, что поспешили ему на помощь, надавал пинков.

После этого с невозмутимым спокойствием Долин прошел к разгромленному бару, кинул на стойку несколько крупных купюр и сказал:

– Это за порчу имущества. И на чай даю. Хотя обслуживание у вас не очень...

Руслан потом ругал его за эту выходку. Нельзя вести себя так вызывающе нигде, а уж тем более в незнакомом месте. Если б аборигены сплотились и налетели на Егора, никакое карате бы не помогло. Но Долин только отмахивался. Он никого не боялся. И никогда не был осторожным. Но и на рожон не лез, если его не задевали, Долин был спокойным, добродушным парнем. Кто не знал его, мог даже назвать Егора тюфяком. У него внешность была соответствующая. Тело тренированное, мускулистое, но не очень пропорциональное, напоминающее не перевернутый треугольник, а скорее прямоугольник. Лицо излишне добродушное, глаза светло-карие. Девушки сначала воспринимали его как плюшевого мишку, которого можно потискать, но, когда узнавали его получше, проникались к Егору серьезными чувствами. Долин имел успех у женщин. И никогда не был один. Причем все его пассии сначала являлись его подругами или приятельницами, потому что не воспринимали его как мачо. Однако Егор был самым настоящим мужиком. Надежным,

смелым, решительным. Руслан очень его уважал. И считал, что если б Долин сразу избрал для себя другой путь (не рвался бы в певцы, а занялся чем-то более приземленным, зато стабильным), то он достиг бы больших высот. «Хотя все еще у него впереди! – заканчивал свои размышления Руслан. – Считается, что мужчина до сорока лет имеет шанс добиться успеха. А Егору еще только тридцать с маленьким хвостиком!»

Самого же Руслана удача не оставляла. Его дела шли хорошо, и в принципе можно было ничего в жизни не менять. Но он мечтал о мировой славе. Поэтому, когда им заинтересовался Артур Каримов, один из крупнейших воротил российского шоу-бизнеса, он стал подумывать о смене продюсера. Но Карим (так звали «акулу» за глаза) не торопился «перекупать» Руслана. Долго присматривался к нему. И когда певец уже отчаялся, все же решил взять его под свое крыло. Как два продюсера между собой договорились, Рус мог лишь гадать. Но в кулуарах шептались, что Карим припугнул коллегу. И тот «отпустил» Руслана просто так, не обязав его выплачивать гигантские неустойки.

Следующие полгода были самыми тяжелыми в его жизни. Карим начал такую мощную раскрутку нового подопечного, что у того и свободной минуты не оказывалось. Приходилось постоянно мелькать: встречаться с журналистами, сниматься в телепередачах, ходить на все мало-мальски заметные тусовки. Руслану хотелось, вернувшись с гастролей, отдохнуть

в одиночестве, но он вынужден был мчаться куда-то, встречаться, разговаривать, давать интервью.

Времени при таком ритме жизни на романы, хотя бы полусерьезные, не хватало. Руслан удовлетворял естественные потребности своего молодого организма на гастролях. Выбирал из толпы фанаток ту, что радовала глаз, и проводил с ней ночь. Иногда спал с моделями, что снимались в его клипах. Но чаще он просто их брал с собой на тусовки, чтобы изображали его девушек. Не вечно же одному быть. Эдак и за гея могут принять.

Нельзя сказать, что такое положение вещей Руслана устраивало. Но он совершенно точно не страдал от одиночества. Для себя он решил, что оно как нельзя кстати ему сейчас. Ему не хотелось отвлекаться от главного. Как в песне поется, «первым делом самолеты...». А еще он очень сомневался в своей способности любить. Ему казалось, что он утратил ее, пережив разрыв с Лейлой. И теперь его удел – спокойные отношения, основанные лишь на симпатии, уважении, а главное, доверии к партнерше. Возможно, это и неплохо. Но только Руслан не представлял себе жизни без страстной любви. И очень надеялся, что когда-нибудь еще раз испытает это чувство...

И он не ошибся!

Глава 5

Ее звали Джэки. По паспорту Евгения. Женя.

Стройная, гибкая, грациозная. С короткими темными волосами, с огромными светлыми глазищами и узким лицом, Джэки напоминала сиамскую кошку. И характер имела соответствующий. Независимая, гордая, то ласковая, то агрессивная, то игривая, то полусонная. И всегда гуляющая сама по себе.

Руслан влюбился в Джэки с первого взгляда. Еще до того, как узнал ее кошачий характер. А главное, до того, как выяснил, что она дочь его продюсера.

Это случилось на вечеринке. Руслан разговаривал с одним из коллег, а Джэки только-только пришла на мероприятие. Она была одна, впрочем, как всегда (и в этом тоже проявлялась ее кошачья натура), и выглядела столь эффектно, что на нее сразу устремились десятки взглядов, и мужских, и женских. Джэки была одета в длинное черное платье с таким низким вырезом, что оба ее небольших, но спелых полушария очень хорошо просматривались. Иногда даже сосок мелькал, если Джэки резко поворачивалась. Но ее это совсем не смущало, как и вожаденные взгляды мужчин. А завистливые женские не рождали в Джэки торжества. Ей, казалось, было абсолютно все равно, что о ней думают окружающие.

Постояв у входа, Джэки прошла к стойке бара и попросила виски. Она наклонилась, и в разрезе сзади открылись ее точеные ноги до ягодиц. Это привлекло внимание одного подвыпившего композитора. Он был именит, но еще не очень стар, и пользовался у дам популярностью. Узрев красивую попу, он подошел к ее обладательнице и положил свою потную ладонь на одну из ягодиц. Джэки развернулась и молча вылила виски на голову композитору. Когда тот с криком отпрыгнул, спокойно попросила у бармена новую порцию напитка.

– Кто это? – спросил Руслан у своего собеседника.

– Здра-асьте, – протянул он. – Ты что, Джэки не знаешь?

– Нет. Я ее впервые вижу.

– А... Ну да. Она осенью и зимой в Таиланде живет. А весной, как птичка перелетная, возвращается в наши широты.

– Так кто она?

– Дочь твоего продюсера, – со смешком ответил коллега.

– У Карима есть дочь? – несказанно удивился Руслан. – Да еще такая молодая?

– Ну да...

– Она не его внучка, а дочь? – он все еще не верил своим ушам. Девушке было лет двадцать. От силы двадцать три. А Кариму не меньше семидесяти пяти.

– Единственная и горячо любимая.

– А почему такая поздняя?

Коллега с недоумением посмотрел на Руслана и спросил:

– Неужели тебе никто еще не рассказал историю твоего продюсера и его нежданного отцовства?

– Нет.

– Странно... А между тем Карим личность известная не только в наших, богемных, кругах, но и в криминальных.

– До меня доходили слухи о том, что Карим вор в законе. Но я им не верю.

– А зря. Это на самом деле так. И, если ты не знаешь, вора в законе запрещено заводить семью. Карим строго придерживался неписаного правила, однако одна из его любовниц все же забеременела. Не намеренно, поскольку ей втолковали сразу, как делать не надо. Но девушка решила оставить ребенка, и Кариму ничего не сказала. Они тихо расстались (он часто менял женщин, и каждая последующая была моложе предыдущей), и спустя какое-то время бывшая пассия твоего продюсера родила. Воспитывала дочку одна. За муж так и не вышла. А когда девочке исполнилось четырнадцать, она заболела. Серьезно очень. Из родственников у нее были только бабка престарелая да брат-алкаш. Вот и решила женщина Карима найти, чтоб позаботился о дочери. Естественно, она не надеялась, что он ее официально признает, но рада была просто участию в ее судьбе.

Карим сначала не поверил в то, что Евгения его дочка. Мало ли что придумает умирающая! Но он не мог не уловить их внешнего сходства. Посмотри на Джэки, ты ничего не

замечаешь?

Руслан и так не сводил с нее глаз, а тут стал смотреть внимательнее. И мигом заметил сходство Джэки с отцом. Оба высокие, худые, черноволосые. Но это мелочи. Не они делали отца и дочь похожими. Вернее, не только они. Главное, у них был одинаковый разворот плеч и посадка головы. Руслан при знакомстве с Каримом сразу обратил внимание на его царственную осанку. И вот теперь перед ним стоит девушка с такой же. Как будто на ее голове корона, на плечах мантия, а у ног толпы склонившихся в подобострастном поклоне подданных.

– Согласись, отец с дочкой очень похожи, – продолжил коллега.

– Согласен.

– Карим также это заметил и признал дочь. Даже свою фамилию ей дал. И теперь она Каримова.

– А сколько ей? Двадцать? Или чуть больше?

– Ей восемнадцати нет, – хмыкнул собеседник. – Еще дите. Но уже такое испорченное...

– Может, это просто видимость?

– Да нет, девочка на самом деле лихая. Как из грязи в князи выбилась, так понеслось. Пьянки, гулянки, элитные кабаки, курорты, мальчишки, девочки. Карим не сразу понял, что дал слишком много воли своей доченьке. Но когда до него дошло, что нельзя девчонке пятнадцати лет позволять творить все, что она хочет, он отправил ее в частную английскую

школу с почти зонавскими порядками. Из Джэки там должны были сделать настоящую леди. Но та, быстро поняв, куда попала, начала упрашивать Карима ее забрать. Тот поддался. Однако в Москву Джэки не вернулась. Отец решил держать ее подальше от соблазнов. Вот и поселил на каком-то тайском острове, где имел дом. Там Джэки полгода безвылазно жила. Потом в Москву запросилась. Карим ее привез. Но потребовал от дочки адекватного поведения. Та пообещала вести себя прилично. И вроде вела. Иначе Карим больше не позволил бы ей приезжать. Однако разные слухи об этой девочке ходят. Говорят, она так же куролесит, только теперь с оглядкой, чтоб отец не узнал.

– Врут, наверное.

– Может быть. Но я тоже считаю, что человек не может резко измениться. И если Джэки всегда была «оторви и брось», то такой и осталась. Становиться другим человеком ей еще рано.

– А откуда ты знаешь, что она такая? – с ноткой неприязни спросил Руслан. Ему не нравились сплетники. – Может, врут люди? Наговаривают из зависти?

– Это запросто, – нисколько не обиделся коллега. – Но дело в том, что Карима и его дочуру я отлично знаю. Первый был моим продюсером недолгое время, вторая в то же самое время пыталась сделать меня своим любовником.

– Она была в тебя влюблена?

– Если бы! Эта девочка просто нимфоманка. И трахается

со всеми, без разбору. И с мальчиками, и с девочками, и с трансами. Но я не собирался становиться ее сексуальной игрушкой. Да и Карим, если б узнал про нас, по головке бы не погладил. Ей тогда шестнадцать было, мне сорок. Так что я отбивался от нее, как мог. К счастью, я часто тогда гастролировал и был вне зоны ее досягаемости. А потом мой контракт кончился, и Карим не захотел его продлевать. Чему я, если честно, даже порадовался.

Руслан этому не поверил. «Как же, порадовался ты, – возразил он мысленно. – Я не знаю ни одного певца, который не мечтал бы сотрудничать с Каримом. Но он не захотел продлевать с тобой контракт, ты обиделся и теперь распространяешь грязные слухи о нем и его дочке... Как некрасиво!»

– Вижу, что у тебя глаз загорелся при виде Джэки, но не советую, – сказал собеседник на прощание. – Держись от нее подальше!

И ушел. А Руслан двинулся в направлении стойки, чтобы взять себе коктейль и рассмотреть Джэки получше. Вдруг вблизи она выглядит немного иначе, и на лице просматриваются следы порока? Тогда он развернется и уйдет со своим алкоголем, не предприняв попытки познакомиться с ней.

Но Джэки вблизи оказалась еще прекраснее. Ее смуглая кожа светилась здоровьем. Худощавое тело оказалось грациозным, спортивным. Густые черные волосы естественно блестящие. А в глазах сквозила не скука или похоть, а пытливость и самоирония. Нет, никак не походила Джэки на пьяницу,

гуляку, нимфоманку. На современную, уверенную в себе, но немного избалованную девушку – да.

– А я тебя знаю, – услышал Руслан нежный девичий голос. Конечно же, это к нему обращалась Джэkki! – Ты новый подопечный Карима.

– А ты его дочь.

– Доложили уже? – усмехнулась Джэkki. – Значит, ты уже все обо мне знаешь. И какая я развратная, и как побухать, покуролесить люблю.

– Я не верю сплетням.

– И правильно! – Ее улыбка стала шире. – Я еще хуже, чем обо мне говорят...

И засмеялась. Да так заразительно, что и Руслан не сдержал улыбки. Джэkki сейчас напоминала его трехлетнюю племянницу. Она не любила, когда ее хвалили. И если родственники начинали говорить, какая она молодец, девочка топала ногой и кричала: «Я похая!» И если с ней соглашались («Да, да, плохая, только успокойся!»), заливалась счастливым смехом. Вот так же, как Джэkki!

– А не сбежать ли нам? – предложила вдруг она. – Подальше от этого пафоса, толкотни и пьяных рож.

– С удовольствием. И куда сбежим?

– Поехали в лес!

– В лес? – удивился Руслан. – Может, в парк?

– Смеешься? Там та же толкотня и пьяные рожи. Только пафоса нет. В лес!

– Но там еще снег, наверное, лежит...

– А ты боишься ножки промочить?

Он красноречиво посмотрел на ее открытые туфельки на высоченной шпильке и сказал:

– Боюсь, что их промочишь ты.

– За меня не волнуйся! – И, схватив за руку, она потащила его к выходу.

Руслан дал себя увести, а затем усадить в машину. Джэки ездила на шикарном «Роллс-Ройсе» с шофером. Он открыл перед хозяйкой и ее спутником дверь, после чего стал почти невидимым. То есть делал вид, что его нет: не разговаривал, не тараторил на пассажиров и, казалось, даже не дышал. Слово не живой человек за рулем, а робот.

Ехали долго. По дороге болтали ни о чем, пили шампанское (в салоне имелся бар). Джэки рассказывала о жизни в Таиланде. Руслану было интересно ее слушать. Во-первых, его уже волновало все, что связано с Джэки, а во-вторых, девушка оказалась великолепным рассказчиком. У нее было отличное чувство юмора, и сиамские зарисовки звучали как качественные юмористические рассказы. Главное же, слушая их, Руслан понимал, что Джэки не такая, как о ней говорят. Она не прожигательница жизни. Она созерцательница. И большую часть времени Джэки наблюдает за миром, получая новые впечатления и... сюжеты для своих картин.

– Я очень люблю рисовать, – говорила она. – С детства.

Но лишь с натуры. Только мне всегда не хватало... вдохновения, что ли? Мы жили с матерью во вновь построенном спальном районе. Кругом коробки панельные, чахлая зелень, асфальт, серость. Я рисовала все это, но не получала полного удовлетворения от результата. Меня очень хвалили в художественной школе, где я занималась, и говорили, что я должна посвятить свою жизнь изобразительному искусству. Я была непротив, но не могла найти себя. Свой стиль, вдохновение. А поскольку тогда я очень интересовалась французскими импрессионистами и знала биографии многих, то жизненная история Гогена казалась мне очень близкой.

– Гоген, это тот, что бросил семью и уехал на Гаити?

– На Таити, – поправила Джэки. – Он вырос в Перу, а в возрасте семи лет вернулся с матерью на родину отца, то есть во Францию. И всю жизнь ему не хватало буйства красок, экзотики тропиков. В итоге он все же уехал из Европы. Я же родилась и выросла в ближнем Подмоскowie и никогда не видела джунглей. Но меня не оставляло ощущение, что если не детство, то прошлую жизнь я провела там. И я пыталась рисовать картинки из нее, копируя воображаемые тропики и живущих в них людей, но это было не то. Ведь у меня хорошо получалось только писать с натуры! Тогда я забросила свои альбомы и краски, чем несказанно порадовала маму. Она давно уговаривала меня после девятого класса поступать в бухгалтерский техникум. Ей хотелось быть уверенной в том, что я не пропаду, если с ней вдруг что-то слу-

чится. Ведь, кроме нее, у меня никого не было.

– Вскоре она заболела?

– Вскоре она узнала, что больна. Оказывается, в ней давно сидел рак. Только мама списывала свое недомогание на усталость, она работала в двух местах... – Голос Джэки дрогнул. Она замолчала и стала жадно пить шампанское. Опустошив фужер, она продолжила: – Когда мама умерла, меня забрал к себе Карим. Я тогда не знала, что он мой отец. Он не сказал мне. Представился давним маминым другом.

– Наверное, он сомневался в своем отцовстве.

– Именно. Хотя сходство наше бросалось в глаза всем. Но Карим только после анализа ДНК окончательно признал меня... И у меня началась новая жизнь! – Джэки протянула свой фужер Руслану, чтобы он наполнил его. На ее тонком пальчике сверкал бриллиант такого размера, что его можно было принять за искусную бижутерию. И только знающие Карима люди понимали, что дочь такого отца не может ходить в побрякушках. – И я, признаться, так от этой новой жизни обалдела, что начала вести себя черт знает как. А все из-за страха. Вдруг, думаю, эта сказка скоро закончится? А я не успею насладиться ею. Так что не врут люди, куролесила я здорово. Пока отец меры не принял.

– Он отправил тебя в Англию?

– Да. Только я бы сказала – сослал. А там... Там еще хуже, чем в нашем спальном районе. Серость...

– Лондон красивый город, – не согласился с ней Руслан.

– Может быть. Но не мой. Из-за климата, наверное. В общем, так мне там было худо, что я думала, умру, если отец меня не заберет. На все готова была, чтоб он сделал это. И Карим сжалился. Увез меня из Лондона. Но не в Москву, чтобы я к прежней жизни не вернулась, а на отдаленный тайский остров. Сначала мне было очень тоскливо там. Потому что знакомых никого, прислуга только по-своему лопочет. Но потом я ощутила кайф от уединенной жизни. И снова начала рисовать. Кстати, уже прошли две мои выставки. Одна в Москве, вторая в ненавистном Лондоне.

– Продала что-то?

– Все до единой картины! – с гордостью заявила она. – И покупали их не потому, что я дочь Карима. В Лондоне уж точно, там отца никто не знает...

– Покажешь мне свои работы? Очень интересно посмотреть.

– Конечно, покажу. И подарю тебе ту, которая понравится!

И поцеловала его. Вот так сразу, без перехода. Только что они говорили, причем не о чем-то романтическом или сексуальном. Просто беседовали. И сидели в отдалении друг от друга. Обычно люди, перед тем как поцеловаться, сближаются. Переводят разговор на интимное. Джэки же просто закончила предложение, резко подалась вперед и припала губами к губам Руслана.

Целовала его жадно, требовательно. Но руками Руслана

не касалась. Только губы и язык ласкали его. Да еще глаза. Когда Джэки отрывалась от него, то смотрела на него так нежно, что у него мурашки по телу бежали.

– Давай поедem не в лес, а ко мне, – хриплым от желания голосом проговорил он.

– Тогда лучше ко мне, – усмехнулась Джэки и шлепнула водителя по плечу.

Тот без слов ее понял.

В подъезд они ввалились, целуя и лаская друг друга. Джэки жила на девятом этаже, и пока лифт поднимал их, Руслан гладил ее маленькие твердые соски и нежный, гладко выбритый лобок. И млел, когда Джэки отвечала на его прикосновения сдавленными стонами.

Наконец они добрались до квартиры. Джэки быстро открыла дверь. И, едва войдя в прихожую, скинула с себя платье. Это было по-голливудски красиво. Роскошная девушка, сбрасывающая с себя одежды и остающаяся в одних туфлях на высоченном каблуке. Такое показывают в каждом десятом фильме. Но Руслан видел это наяву. По закону жанра ему тоже следовало разоблачиться, чтоб голые ягодички светились в лунном свете. Но он не хотел тратить на это время. Он так желал Джэки, что накинулся на нее одетый. И сексом они занялись прямо в прихожей. Руслан поднял Джэки, схватив ее за бедра, прижал к стене и вошел в нее. Джэки раскрылась вся, обхватила его шею руками...

Такого бурного и яркого секса у Руслана, пожалуй, еще ни

разу не было.

И он понимал почему. С Лейлой, которую он любил, так легко не получалось, потому что у нее было много комплексов. Порядочные мусульманские девушки не ведут себя распутно. Поэтому с ней был полет души, но тело оставалось не до конца удовлетворенным. А с другими, распутными, но ничего не значащими для него, все было наоборот. И только с Джэки Руслан почувствовал полное удовлетворение. И это оказалось прекрасно!

– Завтра я уезжаю на гастроли, – сказал Руслан после того как они, переместившись в спальню, еще раз занялись любовью. – Поехали со мной?

– Ну... – Она сложила свои красивые губы дудочкой. – Даже не знаю...

– Поехали! – Руслан, грубо сжав ее ягодицы, придвинул Джэки к себе. Ему хотелось подчинить эту женщину. Хотя в глубине души он понимал, что это невозможно.

– Хорошо, – неожиданно согласилась она. – Но учти, там ты будешь только мой. Я не позволю тебе трахаться с другими... – Джэки употребила другое слово, созвучное, но матерное. Руслана обычно коробило, когда женщины нецензурно выражались. Но когда Джэки ругалась, он только улыбался. Ее привычка материться лишь подчеркивала ее необузданность!

– Для меня будешь существовать только ты, – нисколько не слукавил Руслан.

– А для меня ты, – жарко выдохнула Джэkki. – Для меня уже несколько часов ты один существуешь... Боже, я и не думала, что такое бывает. Увидела мужчину, и остальные как будто исчезли. Это любовь, как думаешь?

Она была бесхитростна и откровенна. И у Руслана даже мысли не возникало о том, что она лицемерит. Джэkki на самом деле влюбилась в него с первого взгляда. И ничего в этом особенного не было. Ведь Руслан точно так же влюбился с первого взгляда в нее. Наверное, потому, что они созданы друг для друга. Ведь это так здорово, когда люди испытывают одинаково пылкие чувства. С Лейлой все не так было. Руслан ее добивался. Хотя ему ясно стало сразу, она тоже к нему равнодушна. Но она напустила на себя важность, неприступность, затеяла странные игры с ухаживанием. Руслан был не против. Он хотел засыпать любимую цветами и подарками. Но он с большим удовольствием преподнес бы ей орхидеи и украшения после вот такого, как сегодня, головокружительного секса. То, что он произошел в первый же день знакомства, нисколько не обесценивало его. Скорее наоборот. Руслан понимал: их притяжение взаимно и так сильно, что было не утерпеть...

– Я снова тебя хочу, – виновато пробормотала Джэkki. – Давай спать, иначе...

Он не дал ей говорить. Накрыл ее губы своими, и спустя пару минут они снова занимались любовью.

Уснули под утро. И те немногие часы, что они пребыва-

ли в объятиях Морфея, молодые люди не расплетали своих тел. Спали, скрестив ноги, сцепив руки, уткнувшись носами в щеки друг друга, они стали почти единым организмом.

На следующий день Джэки и Руслан вместе поехали на гастроль. Коллектив встретил девушку радушно. Все знали, чья она дочь, и даже если имели что-то против нее, скрывали это. Но, надо сказать, Джэки было безразлично, что о ней думают окружающие и как ведут себя с ней. Даже если б с Джэки никто не разговаривал, она не расстроилась бы. Для нее существовал один Руслан. И он ее любил. А остальное – не важно!

Об отношениях своего подопечного и единственной дочери Карим узнал очень скоро. Да и немудрено! Ведь молодые люди не скрывали своей любви (разве что от прессы). И если некоторые опасались, что Карим может их не одобрить, то Руслан несколько этого не боялся. Он молодой, талантливый, здоровый парень без вредных привычек. У него прекрасная семья, биография без темных пятен. Он идеальный кандидат на роль зятя. И, если понадобится, он женится на Джэки хоть завтра (ей как раз восемнадцать должно исполниться на днях). Конечно, ему не хотелось спешить с браком, но если Карим поставит перед ним такое условие, он легко расстанется со своей холостяцкой жизнью. Все равно ему никто, кроме Джэки, не нужен!

Карим вызвал Руслана для разговора сразу же, как только тот вернулся с гастролей. Пригласил в свой офис, усадил на-

против себя и сказал:

– Ты мне нравишься, парень. Поэтому я ничего не имею против твоих отношений с моей дочерью. Я тебе больше скажу, я их одобряю. Но учти, обидишь ее, в асфальт закатаю. Понял?

– Я никогда не обижу Джэки.

– Смотри... – И Карим погрозил узловатым пальцем.

Получив своеобразное благословение от отца любимой, Руслан перевез Джэки в свою квартиру. Он только-только купил ее и еще не до конца обставил. Одна спальня была меблирована полностью, и над огромной круглой кроватью висел автопортрет Джэки. На ней художница была обнаженной. Лежа на смятой постели, она смотрела прямо перед собой, и по выражению глаз становилось ясно, что за секунду до этого девушка занималась любовью. Кому, как не Руслану, было знать, какой взгляд у сытой, удовлетворенной Джэки...

Она написала этот автопортрет специально для него.

Обставить квартиру Руслан доверил Джэки. Он дал ей карт-бланш, потому что доверял ее вкусу. И она с азартом взялась за дело. Те дни, которые она не посвящала Руслану, Джэки затрачивала на поиск мебели и аксессуаров для их гнездышка. Она так самозабвенно отдавалась этому занятию, что иногда возвращалась домой позже Руслана, усталая, голодная и, слопав яблоко, валилась спать. У нее не оставалось сил не только на секс, но и на разговоры. Зато утром

она набрасывалась сначала на Руслана, затем на пищу и вза-хлеб рассказывала, какую замечательную тумбочку увидела в одном из магазинов и сегодня поедет за ней.

– Почему же ты не купила ее вчера? – удивлялся Руслан.

– Искала еще лучше. Не нашла!

Квартира была четырехкомнатной. Одну из комнат Руслан отдал Джэки. Там она устроила свою мастерскую. И частенько он, просыпаясь ночью, заставал ее не в постели, а за мольбертом. В основном она рисовала пейзажи. Но так как она привыкла делать это с натуры, то у нее получалось не очень хорошо. Джэки нервничала, швыряла кисти, краски. Могла пнуть мольберт.

Руслан успокаивал ее. Говорил, что ее картины прекрасны. Он на самом деле так считал. Сам он был начисто лишен художественного дара. Но как любой творческий человек неплохо разбирался во всех видах искусства. И мог с уверенностью сказать, что Джэки отличный художник. И все ее картины если не шедевры, то очень и очень талантливые.

– Да что ты понимаешь? – кипятилась Джэки. – Они все никуда не годятся! Особенно это! – И она брезгливо ткнула пальцем в последнее свое полотно. Тропический лес, водопад, хижина, у двери тонкая фигурка женщины, смотрящей вдаль.

– А по-моему, очень проникновенная работа. Я влюбился в нее с первого взгляда.

– Ты в меня с первого взгляда влюбился, – хохотнула Дж-

эски. – Поэтому тебе все, что я делаю, нравится. Даже если бы я рисовала точки и огуречки, чтобы вышел человечек, тебе бы понравилось.

– Не скажи...

Она отмахнулась.

– Мне не хватает красок, света. Я чахну здесь. Энергия, которой я напиталась в тропиках, иссякает. И хотя перед глазами много картин, я не могу перенести их на полотно...

– Значит, надо лететь за вдохновением.

– Надо! Но я без тебя никуда не полечу.

– А я не могу сейчас отлучиться даже на неделю.

– Тогда буду терпеть. И ждать, когда у тебя появится свободное время.

Но ждать Джэки не умела. Она начала упрашивать отца дать Руслану отпуск. Тот в такой малости дочери отказать не смог. Он скорректировал гастрольный график и отпустил подопечного аж на две недели.

В Таиланд полетели целой компанией. Джэки с Русиком, Егор со своей девушкой Таней и еще два парня из подтанцовки, Лелек и Болек (естественно, это были клички, в жизни одного звали Леней, второго Борисом). Они были геями, но почему-то скрывали это. Вот только ни для кого их ориентация не была секретом. Поэтому их тоже воспринимали как пару.

Жить все планировали на вилле Джэки. Но ребята-геи отделились от компании еще в Бангкоке. Нырнув в ночную

жизнь города, они решили остаться в нем. На острове нет такой движухи, а главное, такого блуда. Парням же хотелось веселиться, танцевать, тусоваться, пускаться во все тяжкие. Ведь в столице Таиланда было столько сладких мальчиков, готовых отдаться за двадцать баксов!

Вилла Джэки находилась на Пхи-Пхи (или Пи-Пи), острове между материком и Пкухетом. Спрятанная в зарослях, она с дороги не просматривалась. Когда Руслан выгрузился с вещами из такси, то не понял сначала, куда их привезли. Внизу море, вверху горы, вокруг тропический лес.

– Мы вообще там вышли, где надо? – спросил он у Джэки.

Она взяла его за руку и повела в самые дебри. Егор с Таней двинулись следом.

Оказалось, что за первым рядом пальм скрывается забор. В нем калитка. Джэки открыла ее ключом. Дальше шла территория, заросшая всевозможными растениями, но шагов через двадцать тропический лес начал редеть.

– О, я вижу дом! – воскликнула Таня.

И точно! Вдали показалась крыша одноэтажного строения. В России таких никто не строит. Все норовят возвести двух-, трехэтажные дворцы. Да еще с колоннами и балконами. Чтоб богато было. Вилла же Джэки оказалась приземистой, скромной, без всяких архитектурных изысков. Единственным украшением ее была просторная терраса, увешанная гамаками. Но стоило войти внутрь, как становилось яс-

но – дом богатый. В каждой комнате кондиционер. Мебель из тика. А во внутреннем дворике имеется большущий бассейн. Возле него шезлонги, зонтики из пальмовых листьев, столики, так и ждущие, что на них поставят фужер с шампанским или кокосовый орех, в котором, кроме молока, будет плескаться ром и немного ананасового сока. Коктейль «Пиноколада» был любимым напитком Джэкки.

Весь день ребята резвились в бассейне. Пили и шампанское, и коктейли. Вечером немного вздремнули. А ночью пошли гулять. На Пи-Пи было не так много заведений, как в Бангкоке, но Джэкки знала все стоящие места и провела друзей по ним. Утро они встретили на пляже. Лежали на теплом песке, держась за руки, смотрели на светлеющее небо и думали в унисон о том, как прекрасна жизнь.

Вернувшись в дом, все завалились спать. Но когда Русик проснулся, Джэкки рядом не было. Он отыскал ее на веранде. Девушка сидела у мольберта и работала. На ней была футболка Русика, в которой он гулял ночью. Джэкки постоянно натягивала на себя его вещи, обычно несвежие. Она говорила, что ей нравится его запах. Она и сейчас нет-нет да и касалась носом плеча, нюхая. Футболка была заляпана краской, как и руки Джэкки. Даже на ее кошачьей мордашке темнело несколько пятнышек. Но девушка была так поглощена своим занятием, что ничего не замечала. Руслан встал за ее спиной и с интересом посмотрел на полотно. Все тот же тропический лес, водопад, хижина, женщина, стоящая у

двери и смотрящая вдаль. Сюжет тот же, но картина другая. Только теперь Руслан понял, что Джэkki имела в виду, говоря, что в Москве ей не хватает вдохновения. То, что она рисовала там, применяя те же краски, получалось не таким ярким, насыщенным, живым. Здесь же ее картина, еще не законченная, производила совсем иное впечатление. Казалось, посмотришь на нее подольше, и качнутся листья пальм, захлопнется дверь домика, женщина уберет руку от лица и взмахнет ею, а на пригорке покажется тот, кого она ожидает...

– Что скажешь? – спросила Джэkki. Оказывается, она почувствовала, что Руслан стоит за ее спиной.

– Потрясающе.

– Да. Мне тоже нравится. Теперь ты видишь разницу?

– Ты была права. В Москве тебе не хватало вдохновения.

– А я что говорила! – Она обернулась к Руслану. Ее глаза сверкали, как в момент оргазма. Джэkki сейчас и испытывала нечто похожее. Она сама говорила, что удовольствие, получаемое ею в процессе работы над картиной, сравнимо с сексуальным. – Ты, пожалуйста, не мешай мне. Я порисую еще немного и приду. Хорошо?

Руслан поцеловал Джэkki в губы и ушел. Решил еще немного поваляться. Но почти тут же уснул. А разбужен был спустя полтора часа Джэkki. Все такая же чумазая, она забралась в кровать и принялась целовать Руслана. От нее пахло краской и скипидаром. Она оттерла руки, но не тронула

лица, потому что не видела себя в зеркале. Джэkki вообще редко в него смотрелась. Она и так знала, что красивая.

– Как же сильно я тебя люблю, – прошептал Руслан, задыхаясь от нежности.

– Как? Как сильно? Вот так? – и она сжала его в объятиях так, будто хотела задушить. Маленькая племяшка Руслана, желая продемонстрировать свою любовь, делала то же самое. – Или сильнее?

– Сильнее!

– Как? Покажи...

– Вот так. – И он начинал ласкать ее. Для него любовь ассоциировалась именно с нежностью, а не с болью.

Две недели пролетели незаметно. Уезжать ужасно не хотелось. Особенно Джэkki. Она не успела закончить портрет Руслана. Она рисовала его на закате. Говорила, что в отблесках заходящего солнца он становится похож на демона. Джэkki торопилась, но все же не завершила работу. Поэтому в день отъезда была невыносимой. Капризничала, огрызалась, плакала по пустякам. И все упрашивала Руслана остаться.

Он и сам с удовольствием остался бы еще на пару днейков, но не более. Он скучал по Москве. И по сцене. Поэтому покидал Таиланд с другим настроением, нежели остальные. Егору и Тане не хотелось возвращаться к работе, им было грустно уезжать. А Руслан, напротив, мечтал снова окунуться в нее. Он не мог долго отдыхать. И этот отпуск не показался ему бесконечным лишь потому, что рядом находилась

Джэkki.

Москва встретила их дождем и пронизывающим ветром. Осень пришла уже в конце августа, пока молодые люди находились на сямской земле. Настроение Джэkki, и без того не радужное, стало совсем мрачным. Она не поехала к Руслану, а отправилась к себе. Сказала, пошиплю в одиночестве. Он не возражал. Терпеть такую Джэkki было практически невозможно. Руслан боялся не сдержаться, накричать, обидеть ее. Для кого-то скандалы были частью отношений, он же их ненавидел. Поэтому терпел до последнего. А если срывался, то мог наговорить такого, что трудно было забыть. Ранил в самое сердце! Бил по больному. Потом ужасно раскаивался, но что сделано, не исправить. Недаром в народе говорится: «Слово – не воробей. Вылетело, не поймаешь!» Руслан в юности маму свою обидел. Ляпнул что-то гадкое, когда она не отпустила его на ночную дискотеку. Потом прощения просил несколько дней. И мама вроде бы его простила. Но до сих пор нет-нет да вспоминала со слезой в голосе тот эпизод.

В одиночестве Джэkki шипела недолго. Соскучившись, примчалась к Руслану в Тулу, а затем поехала с ним в другой город. И так моталась с любимым до тех пор, пока гастрольный тур не закончился.

– Когда у тебя снова будет отпуск? – спросила она, едва они вернулись в Москву.

– Теперь нескоро.

– Когда?

– Месяца через три смогу, наверное, выкроить недельку.

– Как долго! Я зачахну за это время в таком холоде...

– Можно на пару дней слетать в Египет, там сейчас тепло.

– Фу! Еще чего придумал... Никаких Египтов и Турций!

Пусть туда бюджетники да офисный планктон ездит!

– Солнце везде одно. И если тебе его не хватает, то какая разница?

– Я хочу на СВОЙ остров, больше никуда.

Руслан только вздохнул. Как же с Джэки все-таки непросто!

Наступила зима, снежная, студеная. Джэки впала в депрессию. Это не укрылось от Карима. Он вызвал Русика для серьезного разговора.

– Что творится с моей дочерью? – сурово спросил он. – Почему она стала такой грустной?

– Ей плохо тут, в России. Она хочет в Таиланд.

– И все? – недоверчиво прищурился Карим.

– Нет. Главное, ей не хватает вдохновения. Но это как следствие.

– Так дай его ей! Она влюблена в тебя. И значит, ты должен ее вдохновлять.

– К сожалению, одного меня ей недостаточно. Джэки нужна еще натура. А также солнце и тепло. Но вы сами знаете, я сейчас не могу уехать с ней.

– Так отпусти ее одну! – рявкнул Карим.

– А одна она не полетит.

– Не может быть.

– Поговорите с ней сами.

– И поговорю! Но учти, если дочь хоть одно нелестное слово о тебе скажет... – И он красноречиво погрозил пальцем. Это был его излюбленный жест.

Но Джэки ничего дурного про Руслана ему не сказала. Только просила отпустить его хотя бы на недельку с ней. Но Карим твердо сказал «нет». Впереди были съемки новогодних передач. Потом праздничный «чес». До середины января Руслан нужен ему, Кариму. И капризная дочурка должна с этим смириться. Не нравится ей здесь, пусть летит на свой любимый остров. Не хочет расставаться с Русланом, пусть остается и терпит. А чтоб и рыбку съесть и косточкой не подавиться, такого не бывает. И пора Евгении в ее восемнадцать это понять!

Она все же полетела в Таиланд. Руслан буквально насильно отправил ее туда, устав от капризов Джэки. Обещал через неделю прилететь хотя бы на денек. Они же расставались на такое время много раз. Джэки не всегда отправлялась с Русланом на гастроли, оставалась в Москве. Но если ей хотелось увидеть его, срывалась и мчалась в другой город. Теперь к ней примчится Руслан!

И он смог. Встретились они на Пкухете, до которого он добирался десять часов самолетом, а Джэки два с половиной катером. В их распоряжении была только ночь. Утром

Руслану следовало улететь назад.

Времени им, естественно, не хватило ни на что. Ни налюбовиться, ни наговориться не успели. А Руслану после долгой дороги еще спать хотелось ужасно. И он то и дело клевал носом. Джэkki это ужасно злило. Она расталкивала любимого, заставляла рассказывать, как он проводил дни без нее, или слушать, чем занималась она. Чтобы взбодриться, Руслан пил ром с энергетиком, и к утру сердце билось как-то уж очень неровно.

В общем, долгожданное свидание не принесло ожидаемого удовольствия ни Руслану, ни Джэkki. Спустя четыре дня она вернулась в Россию. Без любимого жизнь на райском острове не казалась ей такой прекрасной, как она ожидала.

Наступил декабрь. Съёмки новогодних программ были позади (их готовили заранее), до «чеса» еще оставалось время. У Руслана иногда выпадали свободные деньки. Далеко не уедешь, но в Подмоскowie, к примеру, выбраться можно. Джэkki любила природу. Среднерусскую не так, как тропики, но все же за городом ей было лучше, чем в Москве. Мегаполис душил ее. Рублевка, на которой у Карима был дом, ее раздражала. Место, где родители Руслана приобрели недвижимость, ей тоже не нравилось. А вот деревенька Егора ей пришлась по душе, как и его рубленый домик с холодным туалетом и печным отоплением. Когда они приезжали туда, Джэkki обувала валенки, натягивала старый тулуп, голову повязывала шалью и ходила по деревне как настоящая се-

лянка. Даже воду таскала из колодца, повесив ведра на коромысло. Руслан понимал, что это для нее новая игра и вскоре она ей надоест. Но пока Джэки была увлечена ею, и это несказанно его радовало!

Когда начались предновогодние корпоративы, у Руслана наступила горячая пора. Джэки он практически не видел. Только звонил ей по несколько раз в день. Голос у нее был бодрый. Джэки вообще в последнее время стала энергичной, деятельной. Взялась за переделку гостиной и устройство зимнего сада на балконе. По возвращении в Москву она записалась к какому-то новомодному доктору. Он ставил ей чудодейственные витаминные капельницы, и девушка благодаря им чувствовала себя очень и очень неплохо. Она и работала без нервов. Перешла на абстракцию и натюрморты в стиле кубизма. И все у нее вроде бы получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.